

ПАРФЯНСКИЙ АРХИВ ИЗ ДРЕВНЕЙ НИСЫ *

1. Проверка выводов первоначальной публикации

Начиная с 1948 г. при раскопках Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции под руководством М. Е. Массона на городищах Новая и Старая Ниса, на территории древней Парфии, стали встречаться документы, написанные разновидностью арамейского письма на черепках. В 1953 г. количество этих черепков уже превысило тысячу. Естественно, что такое большое количество документов не могло еще быть полностью обработано. Однако изученный пока материал, довольно однообразный по своему содержанию, позволяет проверить первоначальное чтение и толкование, предложенное нами для первых восьми текстов, обнаруженных в 1948 и 1949 гг. ¹.

Кроме того, новые находки позволяют уточнить выводы о характере архива и яснее представить его историческое значение.

Напомним основные выводы, к которым мы пришли при изучении первых документов. Письмо документов — разновидность арамейского письма и восходит к письму ахеменидских государственных канцелярий. Язык документов — парфянский. То, что этот язык — парфянский, маскируется до известной степени особой системой письма, в принципе совпадающей со всеми системами письма, применявшимися для передачи иранских языков алфавитами арамейского происхождения.

Почти все виды письменности, распространенные на территории Ирана и Средней Азии от времен ахеменидского владычества до введения арабского алфавита в VII—VIII вв. н. э. (наиболее характерным их образцом является так называемая письменность «пехлеви» или книжная среднеперсидская), обладают одной своеобразной особенностью: они не только написаны алфавитом арамейского происхождения, но и применяют арамейские написания целых слов, как своеобразные знаки для понятий (идеограммы) или, точнее, как шифрованные написания (гетерограммы), за которыми скрываются иранские слова, в иранском чтении ². Так, например, пишется MLK³ (арамейское *malkā* «царь»), а читается (x)šāh «царь»; пишется ŠNT (арамейское *šēnath* «год» — форма, употребляемая лишь перед определением в родительном падеже), а

* В основу настоящей статьи положен доклад, прочитанный авторами в институте востоковедения АН СССР в Ленинграде 26 октября 1952 г.

¹ Из этих восьми текстов только три были удовлетворительной сохранности. См. И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов и В. А. Лившиц, *Документы из древней Нисы (дешифровка и анализ)*, Материалы ЮТАКЭ, вып. 2, М. — Л., 1951, стр. 21—65. Дальше цитируется как «Документы...». Документы из этого издания в дальнейшем обозначены шифром «И».

² Исключение составляют ираноязычные манихейские тексты, написанные сирийским алфавитом (так называемым «эстрангело»), а также тохарские и эфталитские надписи, написанные письмом греческого происхождения.

читается sard или sāl «год» и т. д. В «пехлеви» при части идеограмм, в особенности при идеограммах глаголов, употребляются выписанные фонетически обозначения правских морфологических формантов (так называемые фонетические комплементы). Например, пишется YMLLWND (арамейское uṣmalləlūn «говорят» плюс среднеперсидский морфологический элемент -nd), а читается gōṣēnd «говорят»; или пишется 'L SWSY' YTYBWNST¹ (арамейский предлог 'al «на», арамейское sūsyā «лошадь», арамейское yittab^hūn «они садятся» плюс среднеперсидское окончание -st), а читается o asp nišast «на лошадь сел». Применение фонетических комплементов возникло не сразу, так как еще в парфянской надписи из Авромана все имена существительные и большинство глаголов, выраженных идеограммами, пишутся без фонетических комплементов². Первоначальным поэтому надо считать употребление арамейских идеограмм без всяких указаний на иранские окончания слов³.

Следует подчеркнуть, что арамейские идеограммы в иранской письменности представляют лишь определенный графический прием, аналогичный идеограммам в клинописных системах письма⁴, а не являются словарными заимствованиями в соответствующий иранский язык. В подавляющем большинстве случаев слова, выражаемые идеограммами, являются словами основного словарного фонда, которые, как правило, не могут вытесняться заимствованными словами. Нельзя думать, что древние иранские языки почему-то заменили слова, выражающие простейшие и жизненно важные понятия, арамейскими; арамейское написание — это внешнее, графическое обозначение слов на письме.

На основании предложенного чтения, нами был сделан вывод, что изучаемые документы, скорее всего, представляют собой расписки или, может быть, накладные, выдававшиеся при сборе натурального налога вином, и относятся к 133—146 годам аршакидской эры, т. е. к 114—105 гг. до н. э., ко времени правления парфянского царя Митридата II, или, при другом чтении цифр, предложенном нами альтернативно, к 173—186 гг. аршакидской эры, т. е. к 74—66 гг. до н. э., — к царствованиям Синатрука и Фраата III. Правильным оказалось второе чтение цифр, казавшееся нам пер-

¹ Ошибочное написание вместо *YTBWN, *YYTBWN, аналогии которому есть в библейско-арамейском (для этого глагола разночтение YTYB = yittib^h в м. YTB, см. Н. Bauer и P. Leander, *Grammatik des Biblisch-aramäischen*, Halle — Saale, 1927, § 45).

² Авроман III, 1: MZBNW, читай fravaxšēt; III, 3: ZBNW, читай xrinēt, см. Н. Nyberg, *The Pahlavi Documents from Avroman*, МО, XVIII, 1923. Глагольные идеограммы без иранских окончаний встречаются и в сасанидских среднеперсидских надписях. Так, например, в Хаджиабаской надписи Шапура I (версия парсик): L' YHWWN (стк. 9, 10) = nē būt; HWH (стк. 10, 12) = ast; HNHTWN (стк. 7, 13) = nihāt. См. E. Herzfeld, *Paikuli*, Berlin, 1924, стр. 87—89.

³ Совершенно очевидно поэтому, что такие древнейшие, зашифрованные арамейскими идеограммами тексты, хотя бы в них и встречались отдельные незашифрованные иранские слова, трудно отличить от чисто арамейских текстов с отдельными иранизмами. Все важнейшие, наиболее часто встречающиеся слова и целые выражения могут оказаться скрытыми под арамейской оболочкой. Достаточно сказать, что язык надписей II в. до н. э. из Арабиссона в Каппадокии, найденных Я. И. Смирновым более полувека назад, давно уже прочитанных и истолкованных, а также язык Армазской билингвы (Г. В. Церетели, *Армазская билингва*, Тбилиси, 1941) и других подобных памятников до сих пор окончательно не установлен. Единственным критерием часто является синтаксис надписи в целом.

⁴ Система идеографических написаний в клинописи совершенно аналогична системе гетерограмм в письменностях Ирана и Средней Азии; принцип этой системы, возможно, даже был в свое время заимствован именно из клинописи. Об идеограммах в клинописи см. например, И. Фридрих, *Краткая грамматика хеттского языка*, М.—Л., 1952, стр. 44 сл. и 168 сл.

воначально менее вероятным. Дело в том, что в документах, как указано ниже, упоминается имя царя Готарза I, правившего в начале I века до н. э.¹

Как уже указывалось, новые документы в большинстве своем аналогичны изданным. Из 150 документов, которые мы пока имели возможность исследовать², для настоящей статьи использовано свыше 40 лучшей сохранности, с учетом также важнейших данных, извлекаемых из остальных документов.

В текстах обнаружены многочисленные парфянские имена собственные хорошо известных иранистам типов, которые полностью подтверждают правильность предложенного нами чтения отдельных букв, а также позволяют уточнить отдельные почерки и место данного письма в целом в развитии письменностей древнего Ирана и Средней Азии (см. таблицу)³.

Приводим образцы бесспорных по чтению имен собственных, встречающихся в писийских документах из находок 1948, 1949 и 1951 гг.: *HWRMZDYK = Öhrmazdik⁴, I-23; *RTWRŠT = Artavirāšt или Artavaršt, I-66, I-72, I-73, II-43; *RYBRZN = Āryabarzān, I-33, II-24, II-28, II-29; *RYNYSTK = Āryaniyastak, II-42; BHTDTK = Baxtdātak, I-69; MTRDTK = Mihrdātak⁵, II-VII; MTRYNK = Mihriyānak или Mihrēnak, II-44; MTRPRN = Mihrfarn, I-29; NWTNWK = Navtanūk, I-22; RWŠ[TN], [RW ŠTN = Rōštan, II-I, II-IIIa; WHWMN = Vahuman, II-II, II-V; WRTRGNK = Varhraγnak, I-44. Приведем также некоторые названия местностей, образованные от имен собственных с помощью суффикса -(a)kān (< древне-иранского -akāna), одного из самых распространенных в средне-иранских языках суффиксов имен прилагательных⁷: *RTBNWK (от Artabānu), I-34, I-37, I-72, I-73, II-43; *RTHŠTRKN (от Artaxšahr), I-34, I-66, I-72, I-73, II-43; MTRDTKN (от Mihrdāt), II-2, II-44; PRYPTYKN, PRYPTKN (от Friyapāti), I-30, I-44, I-69; GWTRZKN (от Gōtarz), II-47.

Эти имена в достаточной степени доказывают парфянский характер населения Нисы. То, что и сами документы написаны по-парфянски, а не на каком-либо ином, например, арамейском языке, полностью доказывается материалом новых документов.

а) Лексические доказательства. Несмотря на применение большого количества арамейских идеограмм, иногда сплошь зашифровывающих текст⁸, имеется целый ряд незашифрованных написаний парфянских слов, например:

¹ Одновременно с нами и независимо от нас к тому же чтению цифр по другим основаниям пришел проф. И. Н. Винников, посвятивший в январе 1953 г. чтению одного из изданных нами ранее документов доклад в Институте языкознания АН СССР. Авторы настоящей статьи полагают, что опубликование наблюдений И. Н. Винникова было бы чрезвычайно желательным, хотя и не могут согласиться с рядом выводов, сделанных им в докладе.

² Свыше 1200 документов, найденных в 1952 и 1953 гг., не прошли еще к моменту написания настоящей статьи первичной обработки и не могли быть использованы нами. Документы, найденные в 1951 г., и несколько документов из находок 1952 г. были любезно предоставлены нам начальником ЮТАКЭ, действительным членом АН Туркменской ССР проф. М. Е. Массоном, в оригиналах и фотографиях.

³ Буквы документов из Писы еще чрезвычайно близки по форме к буквам официального письма ахеменидских канцелярий, известного нам по документам из Элефантины и Гермополя и по надписи из Накши-Рустема.

⁴ Для документов из находок 1951 г. приводим полевые шифры экспедиции.

⁵ Историческое написание, сохраняющееся вплоть до III в. н. э. именно в парфянских (но не в среднеперсидских) надписях, см. E. Herzfeld, Paikuli, Berlin, 1924, стр. 85 и ср. другие исторические написания ниже.

⁶ Так следует читать вместо MHRDT/ в «Документах...».

⁷ Суффикс -(a)kān широко представлен в ряде заимствований из парфянского и среднеперсидского в армянском языке, в том числе и в именах собственных — названиях местностей (Vaspuṛakan и др.).

⁸ Документы I-46, I-49 бис, I-57, I-77, I-79, II-27 и др. — все очень краткие.

ʔBZBRY (как теперь ясно, лишь в очень редких случаях — ʔWZBRY). Это слово в «Документах...» было разъяснено как āḇāzbār¹. Конечный знак -Y передает иранское -ē, флексию косвенного падежа, неоднократно встречающуюся в документах из находок 1951 года: MN ʔRTBNWKNY (I-37), MN MTRDTKNY (II-2, II-44),

Накш- Рустем (Знаменитая) V в до н.э.	Степа из Харпуга (Египет) III в до н.э.	Арабиссон (Каппадокия) III-II в до н.э.	Севанские стелы «А» и «Б» II в до н.э.	Ниса (Парфия) I в до н.э.	Абраман (Парфия) I в до н.э.	Сасанидско- парфянские надп. III в н.э.	Армази (Иберия) II в н.э.
ʔ	x	ʔʔ	ʔ	ʔ	ʔ	ʔ	ʔ
B	ʔ	ʔ	ʔ	ʔʔ	ʔʔ	ʔ	ʔ
C	ʔ		ʔ		ʔ	ʔ	ʔ
D	ʔ	ʔ	ʔ	ʔʔʔ	ʔ	ʔ	ʔ
H	ʔ	ʔʔ	ʔ		ʔʔʔ	ʔ	ʔ
W	ʔ	ʔ	ʔ	ʔ	ʔ	ʔ	ʔ
Z	ʔ	ʔ	ʔ	ʔ	ʔ	ʔ	ʔ
ʔ	ʔ	ʔ	ʔ	ʔ	ʔ	ʔ	ʔ
T	ʔ		ʔ				ʔ
J	ʔ	ʔʔ	ʔ	ʔʔ	ʔʔ	ʔ	ʔ
K	ʔ	ʔ	ʔ	ʔ	ʔʔ	ʔ	ʔ
L	ʔ	ʔʔ	ʔ	ʔʔ	ʔʔ	ʔ	ʔ
M	ʔ	ʔʔ	ʔʔ	ʔ	ʔʔ	ʔ	ʔ
N	ʔ	ʔ	ʔ	ʔʔ	ʔ	ʔ	ʔ
S	ʔ	ʔʔ	ʔ	ʔ	ʔʔ	ʔ	ʔ
ʔ	ʔ	ʔʔ	ʔʔ		ʔ		ʔ
P	ʔ	ʔ	ʔ		ʔ	ʔ	ʔ
ʔ	ʔ	ʔ					ʔ
Q	ʔ	ʔʔ	ʔʔʔ	ʔ	ʔ	ʔ	ʔ
R	ʔ	ʔ	ʔ	ʔʔʔ	ʔ	ʔ	ʔ
ʔ	ʔ	ʔ	ʔ	ʔʔ	ʔ	ʔ	ʔ
T	ʔ	ʔ	ʔʔ	ʔʔ	ʔʔ	ʔʔ	ʔ

Таблица алфавитов на арамейской основе (V в. до н. э.—III в. н. э.).

ZYB PRYPTKNY (I-69), MN ʔYTKNY (II-44), MN ʔPDNY (I-70) и др. Само слово āḇāzbār толкуется нами как сложное слово, образованное от глагольного корня bag-|| baḵ- (хорошо известного в иранских языках по ряду отглагольных имен, в том числе и по существительному baḵ «подать»), осложненного префиксом ā-, ср. среднеперсидские глаголы xēz-, āxēz-; hanj-; āhanj-; mar-, āmar-; maḍ-, āmaḍ-; purs-, āfras-; ср. также в парфянских манихейских текстах: Pḇ (lāḇ), ʔPḇ (ālāḇ) «зов, просьба, мольба».

Аналогии этому явлению в письменностях такого рода имеются: Армазская билингва, надписи из Арабиссона, Севанские надписи Артаксия.

¹ «Документы...», стр. 32—35.

Вторая часть слова—это -bar «несущий», отсюда: ābāzbar «несущий подать, податной». Сложные слова с -bar, -āvar во второй части, широко распространенные в иранских языках, могут относиться как к лицам, так и к неодушевленным предметам, ср. новоперсидское barāvar «плодоносящий», bādāvar «приносящий ветер», среднеперсидское dastābar, арамейское (заимствование из среднеперсидского) dystwr³ «арендные отношения, аренда»¹.

Предложенная нами этимология слова ³BZBRY подтверждается и тем, что в одном из новых документов (II-44) в сходном контексте вместо ³BZBRY стоит слово PTBZYK = patbāzīk от того же корня, употребленное параллельно термину PTSYK = patsāyīk (менее вероятно чтение PTSWK = patsāvak) «обложенный налогом, податью» от *patī + sav- + īk, ср. авестийское su-, sav- «пользоваться», среднеперсидск. sāk «подать, дань», новоперсидск. sā, sāv «подать» (обычно в сочетании bāz u sāv).

Слово patbāzīk, восходящее к древне-иранскому *patibāzi-, засвидетельствовано для ахеменидского времени: Афиней (XI, 503 F) со ссылкой на Диона сообщает, что у персов ποτίβαζις обозначает приношение парю в виде хлеба, венка и вина; термин засвидетельствован также в позднем древне-еврейском (patbāg, Dan., XI, 2b), в среднеперсидском (patbāz); параллельное санскритское pratibhāga означает ежедневное приношению парю плодов и цветов².

НМ. Данное в «Документах...» объяснение этого слова как хум «сосуд» в смысле меры емкости остается вероятным, поскольку в новых документах в ряде случаев указываются и другие меры емкости, в том числе и подразделения НМ — меньшие меры емкости.

Написание слова хум как НМ, без обозначения краткого гласного u — единственно возможное в данном случае. Как уже указывалось, иранская письменность на арамейской основе восходит к арамейскому письму времени Ахеменидов, в котором краткие гласные не обозначались, а в ряде случаев оставались без обозначения и долгие гласные. Обозначение кратких гласных в арамейском появляется значительно позже ахеменидского времени, когда арамейское письмо уже не оказывало влияния на иранские письменности. В документах из Нисы знаки W и Y, как в арамейском ахеменидского времени, обозначают либо согласные v и y, либо дифтонг или же долгий гласный; W и Y могут означать и краткие u и i, но только в сложных словах и перед суффиксами, обычно как реликты в историческом написании для выражения конечных гласных, показателей древних основ на -u, -i, см., например, RTBNWKН < Artabānu³ + kān; MDWBR < maḏu + bar; PRYPTYKN (вариант PRYPTKN) < Friyapāti + kān; PTBZYK < patbāzi + k; NWTNWK < Nav-tanu + k при RWŠTN < rōš + tanu; WHWMN < vahu + mana-.

MD/RWBR. Слово это разъяснялось в «Документах...» как marubar «счетовод» или maḏubar «виночерпий». Предпочтительно чтение maḏubar «виночерпий», так как при чтении marubar трудно объяснить наличие W. Предлагавшееся нами альтернативное чтение marubaḡ можно считать отпавшим⁴.

¹ См. S. Telegdi, Essai sur la phonétique des emprunts iraniens en araméen talmudique, JA, г. CCXXVI, № 2, стр. 188.

² См. P. de Lagarde, Gesammelte Abhandlungen, Leipzig, 1886, стр. 73, 194; F. Justi, Iranisches Namenbuch, Marburg, 1895, стр. 52, 506; он же, Beiträge zur Erklärung der Pehlewi-Siegelinschriften, ZDMG, 46, 1892.

³ Форма ³RTBNW имеется и в надписи предпоследнего парфянского царя Артабана V, см. R. G. Hirschman, Un bas-relief d'Artaban V avec inscription en pehlvi arsacide. Monuments et mémoires publiés par l'Académie des Inscriptions et des Belles-Lettres, т. XLIV, P., 1950, стр. 99.

⁴ См. И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов и В. А. Лившиц, Новые находки парфянских документов, Известия АН Туркменской ССР, № 2, 1953. В дальнейшем цитируется «Новые находки...».

PDNK. Это слово многократно употребляется в новых документах для уточнения категории облагаемого сбором виноградника. Предлагаемое чтение арадānak «дворцовый», ср. древне-персидское арадāna «дворец, крепость» и армянское араганк? «дворец»; последнее слово — заимствование из парфянского арадān «дворец», засвидетельствованного в парфянских манихейских текстах¹. Суффикс -(a)k (более позднее -ay), древне-иранское -ka, — наиболее распространенный именной суффикс всех средне-иранских языков. В парфянском, как и в средне-персидском, суффикс -(a)k, присоединяясь к древним именным основам, мог не изменять их семантики² или же придавал относительное значение (прилагательное)³. Наряду с PDNK в новых документах встречается и PDN — форма без суффикса (MN PDNY, I-70, где конечный -Y = -ē, флексия косвенного падежа).

RZYPTY = rāzēpatē — сложное слово со значением «начальник виноградника» (конечное -ē является уже упоминавшейся флексией косвенного падежа)⁴. В сходном значении встречается также слово RZPN = rāzrān «хранитель виноградников», возможно и «виноградарь» (документы II-44, II-47). Парфянское rāz «виноградная лоза», «виноградник», до сих пор было представлено лишь в греческой передаче в Авроманском пергаменте: Δαδβαχανράς — название виноградника, где -ράς имеет эквивалентом -βαχ: Δαδβακαβάχ (-βαχ = парфянскому bāχ «сад», ср. средне-персидское и ново-персидское bāχ). В парфянском тексте Авроманского документа rāz «виноградник» передается идеограммой KRM, как и в нисийских текстах. Rat «начальник» и rān «хранитель» очень часто употребляются в иранских языках в составе сложных слов, обозначающих звания, должности и профессии.

NWRŠT. В «Документах...» это слово объяснено как сложное слово navrāšt «новоизготовленное (вино)», состоящее из nav «новый» и rāšt «изготовленный». Подобно приводившемуся выше имени собственному Artavīrāšt (вариантное чтение Artavaršt), слово navrāšt свидетельствует о том, что из языков западноиранской подгруппы мы в документах из Нисы имеем дело именно с парфянским языком. В персидском языке группе -št- соответствовало бы -st-. Сравни среднеперсидское virāstan, парфянско-манихейское virāštan «упорядочивать, украшать»⁵.

HŠTRP = xšahrap «сатрап». Слово это с трудом распознается в документе I-44 из-за повреждения букв H и T, но совершенно ясно читается в полностью параллельных указанному документу текстах из находок 1952 года, где оно иногда выступает в рас-

¹ E. Andreas u. W. Henning, *Mitteliranische Manichaica aus Chinesisch-Turkestan*, III, SPAW, Phil.-hist. Kl., XXXVII, B., 1934, стр. 863, текст 5, стк. 18. Возможны были бы и некоторые другие парфянские чтения слова PDNK в наших текстах, однако они значительно хуже подходят к контекстам.

² Парфянско-манихейское zānūy, среднеперсидское zānūk, авестийское zānu- «колено»; среднеперсидское daxm, daxmak, авестийское daxma- «дахма, зороастрийское погребальное сооружение».

³ Ср., например, парфянско-манихейское āsmānaχ «небесный» от āsmān «небо».

⁴ Тип образования сложного слова rāzēpat (с -ē — показателем косвенного падежа у первой части сложения) имеет многочисленные аналогии в парфянском и среднеперсидском языках. Ср., например, парфянское ŠNYRPWHR (šāhēpuhr «Шалур») в парфянских версиях Хаджиабадской надписи и надписи Шалура I на Каба-и Зардуст; парфянское PWHRYPWHR (puhrēpuhr «внук»), парфянско-манихейское bwdyst'n (bodēstān «сад»), šhryst'n (šahrēstān «главный город области, страны»), frm'nywg (framānēvaχ «выносящий приказ»), среднеперсидское dātestān «решение, справедливость», mānēstān «храм», karēzār «битва», šahrēdār «правитель (области)» и др.; этот тип сложных слов представлен также в армянском языке в заимствованиях из парфянского и средне-персидского, например: p'štīpan < *puštēpān «защитающий тело»; k'rtikar < *kirtēkār «служба, слуга».

⁵ E. Andreas u. W. Henning, *ук. соч.*, стр. 909.

крытом иранском написании¹, а иногда скрыто под арамейской идеограммой РНТ² (арамейское rēhātā «сатрап»).

Помимо перечисленных парфянских слов, в документах из находок 1951 года, несмотря на однотипность их формуляра, устанавливается еще не менее десятка слов несомненно парфянских, этимология и значение которых уточняются. Читаться как арамейские эти слова безусловно не могут.

О парфянском языке текстов из Нисы свидетельствует и ряд специфических признаков в написании некоторых слов (см. выше об ʾHWRMZDYK, ʾRTBNWKN).

б) Морфологические доказательства. Как уже указывалось выше; в ряде случаев мы встречаемся с постановкой слов в косвенном падеже, передаваемом знаком -Y (= -ē) и зависящем от предлога или от синтаксической роли данного слова: MN KRMʾ ʾBZBRY = MN KRMʾ ābāzbarē «из виноградника податного»; LYD RZYPTY = LYD razēpatē «в руки начальника виноградников» и т. д. Если мы предположим, что арамейские слова в наших документах не являются идеограммами, то в таком случае пришлось бы признать, что слова, подобные ʾBZBRY и RZYPTY, являются словарными заимствованиями из парфянского в арамейский язык, будто бы употреблявшийся в парфянских канцеляриях.

Но если бы это было так, то эти слова не могли бы принимать иранской флексии: они были бы заимствованы либо в прямом падеже, либо, менее вероятно, в косвенном, но в обоих случаях были бы неизменяемы или принимали бы только арамейскую флексию. Между тем, показатель косвенного падежа -Y = -ē, насколько можно заметить, употребляется в нисийских текстах всегда правильно и только в словах, не зашифрованных арамейской идеограммой².

В новых документах мы встречаем и иранскую флексию множественного числа MN RZPNN (II-44) = haṣ gaṣrānān «от виноградарей», где -ān — показатель множественного числа, восходящий к древне-иранскому окончанию родит.-дательного падежа множ. числа (основ на -a) -ānām и известный для парфянского языка по версии пахлавик сасанидских надписей, поэме «Draxt asūrk» и манихейским текстам. Документы из Нисы подтверждают, что развитие склонения имен в парфянском проходило так же, как и в персидском языке: древняя система, постепенно упрощаясь, свелась к началу средне-иранского периода к двум падежам — прямому и косвенному, восходящему к древнему родительному. Употребление иранского показателя множественного числа также указывает на то, что наши документы написаны на иранском, точнее — парфянском языке, а не на арамейском.

в) Синтаксические доказательства. Тексты из Нисы дают ряд примеров вопиющего нарушения законов арамейского синтаксиса, о которых уже упоминалось в нашей первоначальной публикации³. С точки зрения иранского синтаксиса, напротив, все наблюдаемые в текстах конструкции могут быть объяснены. Сомнения иранистов вызывал порядок слов в определительных сочетаниях, встречающихся в нисийских документах. В формуле BḤWTH ZNH, начинающей подавляющее большинство текстов и переводимой нами как «по этой расписке (?)», или, дословно, «по этому извещению (?)», следует скорее всего видеть арамейскую идеограмму, зашифровывающую целиком определительное сочетание, поскольку определение,

¹ Ср. в парфянской надписи Артабана V в Сузах: ʾRTBNW... BNYT ḤNSK ZK ZY ḤWSK ŠWŠ ḤSTRP «Артабан... построил эту стену, которая Хвасака, сатрапа Суз» (См. R. Ghirshman, ук. соч., стр. 99).

² Это явление характерно и для гораздо более поздних парфянских надписей. Так, например, в надписи Артабана V: «Артабан, царь царей, сын Валгаша, царя царей» ʾRTBNW MLKYN MLKʾ BRY WLGŠY MLKYN MLKʾ = Artabānu xšāhīnšāh puhr Valgašē xšāhīnšāhē; (-ē — косвенный падеж, зависящий от управляющего слова puhr; флексия косвенного падежа не выписана при идеограмме MLKYN MLKʾ, хотя синтаксическая позиция слова аналогична слову WLGŠY.

³ «Документы...», стр. 52, прим. 3; 37, 55 и др.

выраженное указательным местоимением, в иранских языках, как правило, предшествует определяемому слову¹.

Порядок слов в определительном комплексе MN KRM³ ʔBZBRY = hač gazē āfāzbare «из виноградника податного» вполне объясним с точки зрения норм парфянского синтаксиса. В парфянском языке, как об этом можно судить по всем известным до сих пор памятникам, существовало три основных способа определительной связи:

- а) постпозиция определения, выраженного прилагательным, реже существительным;
- б) препозиция определения, выраженного существительным;
- в) постпозиция определения в «изафетном» сочетании (с помощью парфянского «изафета» čē).

Рассматриваемое нами сочетание MN KRM³ ʔBZBRY, относящееся к первому из указанных типов, находит себе многочисленные аналогии в парфянских текстах. Ср., например, в Авроманском пергаменте: YRH³ ʔRWTT = mās Arvatāt «месяц Арватат»; PTSPK BRY TYRYN = Pātaspak puhr Tīrēn «Патаспак, сын Тирена»; в надписи Артабана V в Сузах: YRH³ SPNDRMTY YWM³ MTRY = mās Spandārmātē roč Mihre «месяца Спандармата день Михра»; ʔRTBNW MLKYN MLK³ BRY WLGŠY... = Arta-bānu xšāhīnšāh puhr Valgašē «Артабан, царь царей, сын Валгаша»; в парфянских версиях сасанидских надписей: MLKYN MLK³ ʔRY³N = xšāhīnšāh Erān «царь царей Ирана» (надпись Ардашира I в Накши Рустеме); BRY MZDYZN ʔLH³ ʔRTHŠTR = puhr mazdayazn baγ Artaxšahr «сын маздайснийца бога Ардашира» (надпись Шапура I в Накши Раджабе); NRYŠHW BRBYT³ ŠHYPWHRKN = Narēsaxr vīspuhr šāhēpuhrakān = греческому ΝΑΡΞΑΙ ΟΥ ΤΟΥ ΕΓ ΒΑΣΙΛΕΩΝ ΣΑΔΟΥΡΓΑΝ, ср. в среднеперсидской версии NRSXY ZY BRBYT³ ZY D³MSPWHRYKN = Narsaxē ē vāspuhr ē dāmāspuhrīkān (надпись Шапура I на Каба-и Зардушт); в парфянских манихейских текстах: bg³n rzmy-wz³n «боги воинственные» (текст M2 VI, стк. 97—98); ʔndr zmyg wzrg «на земле большой» (M2 RI, стк. 6); z³wr rwšn «сила светлая» (M2 RI, стк. 16); zmyg rwšn «земли светлая» (M2 VI, стк. 86—87); bnd ʔn³by³d «тюрьма забытая» (M2 VI, стк. 77—78); w³d jwwndg «дух живой» (M2 VI, стк. 104—105); wrwč tyrg «молния быстрая» (TII D 79, стк. 13); dxmg ʔškyft «дахма прочная» (M2 VII, стк. 128); b³rg rzmg³hyg «одежда воинская» (TII D 79, стк. 5); br³d fry³ng «брат любимый» (TII DII 134, стк. 127—128); в парфянской поэме «Draxt asūrik»: giyāh tarūn xvarom «траву свежую (зеленую) я ем» (стк. 52); šahr asūrik «страна сирийская» (стк. 1); draxt buland «высокое дерево» (стк. 2); vas yāmak šāhvār patmōcān kanīkān «много платьев прекрасных, нарядов девичьих» (стк. 42); haz tuxārik «мех тохарский» (стк. 42); rat sar šahrdārān «над головой правителей» (стк. 15)².

¹ Постановка определения, выраженного указательным местоимением, после определяемого встречается в средне-персидском и парфянском языках очень редко главным образом в застывших формулах в сасанидских надписях, причем в таких случаях указательное местоимение может рассматриваться и как заменитель глагольной связки, см., например, надпись на рельефе Ардашира I в Накши Рустеме: парф. PTKR ZNH MZDYZN ʔLH³ ʔRTHŠTR = patkar im mazdayazn baγ Artaxšahr «изображение это — маздайснийец бог Ардашир». Та же конструкция в среднеперсидской версии той же надписи, а также в парфянской надписи из Сарпуля, в надписи Ормузда в Накши Рустеме, Шапура I в Накши Раджабе, в начальной формуле Хаджиабадской надписи Шапура I (см. E. Herzfeld, Paikuli, стр. 84—89). Ср. в надписи Артабана V в Сузах: ʔRTBNW... BNYT HNSK ZK ZY HWSK ŠWŠ HŠTRP «Артабан построил эту (ZK) стелу (HNSK), которая Хвасака, сатрапа Суз».

² Аналогичные по типу определительные конструкции характерны и для некоторых современных языков и диалектов северо-западной группы (тагский, феризанди, ярани, йезди).

Таким образом, приведенный ниже материал подтверждает выводы, изложенные в первоначальной публикации.

Документы находки 1951 г. дают также новые идеограммы, помимо встречавшихся в изданных ранее документах, например: LYD; NPŠH; KL²; ҲLP; ҲLH; ҲBYN; ZY. Эти арамейские слова известны как идеограммы и в более поздних письменностях¹.

Чтение документов из находок 1948 года² может быть теперь, в свете новых данных, уточнено, однако в основе остается наше первоначальное чтение. Документ И-1, который можно взять за образец формуляра, читается нами теперь следующим образом: 1. BḤWTH 2. ZNH MN 3. KRM³ 4. ʾWZBRY 5. HYNDWKN (?) KRY 6. ḤMXX[I] 7. HN⁴LT⁴ŠNT IC 8. XX [XX XX X] III HYTY 9. RW⁵Š [TN] MDWBR или, по раскрытии идеограмм, pat im ḤWTH hač razē aḥāzbarē HYNDWKN (?) vxānt xum 23 HN⁴LT avi sard 1[7]4 aḥšurt Rōš[an] maḏubar. Перевод: «По этой расписке (?) из виноградника податного, HYNDWKN называемого, сосудов 23, взнос на год 174 доставил(и), Рощан виночерпий.»

Толкование слова ḤWTH попрежнему остается не вполне надежным, однако из контекста, с нашей точки зрения, явствует, что это обозначение категории самого данного документа. Понимание HY как относительно-указательного местоимения отпало, ввиду многочисленных примеров употребления причастия KRY⁶ = vxānt «называемый» в конструкции без относительного местоимения. Очевидно, эти две буквы относятся к последующему имени собственному виноградника. Чтение ḤMB, казавшееся нам сомнительным уже при издании «Документов...», не подтверждается новыми находками, где слово ḤM встречается десятки раз только в такой форме.

2. Образцы документов из находок 1951 года³

а) Образец документа о сборах с дворцовой земли

II-28 1. [BḤWT⁷] ZNH MN KRM³ ʾWZBRY ZY B⁸PDNK 2. [ḤM] XIIII⁹ {MN PTPR ḤK} [II]₄ HN⁴LT⁴ ŠNT IC XX XX XX ʾXX¹⁰HYTY ʾRYBRZN MDWBR ZY MN WRGSTYŠ

Перевод: 1. По этой расписке (?) из виноградника податного, который на дворцовой (земле), 2. [сосудов] — 14. 3. Из хранилища ḤK II (?) (другой рукой). 4. Взнос на год 180 доставил(и), Арьябарзан, виночерпий, который из WRGSTYŠ.

Комментарий: Стк. 1. Чтение этой строки восстанавливается по документам II-45 и I-33, дающим тот же формуляр. По поводу нашего толкования этой строки см. «Документы...», стр. 30—35 и «Новые находки...». В документах I-58 и I-64 вместо B⁸PDNK⁴ «на дворцовой (земле)» стоит MN ʾPDNK «из дворцовой (земли)», а в документе I-64, кроме того, перед этим прибавлено MN SYGBYŠ «из (местности) SYGBYŠ».

Стк. 2. Слово ḤM восстанавливается по аналогичному документу I-64. В других документах этого типа (II-45 и I-33) здесь стоит, повидимому, несколько иная, не совсем еще ясная формула.

Стк. 3. Эта пометка, сделанная всегда другой рукой и обычно небрежно, встречается в большинстве документов и, повидимому, делалась при помещении документа

¹ Так, в среднеперсидском NPŠH = xwēš «свой», см. F. Junker, Frahang i Pahlavīk, Heidelberg, 1912, XI, 4; ZY = ē, ʾ (изафет из относительного местоимения), там же, XXIV, 3—4; ҲLH = sik «уксус», там же, V, 2; засвидетельствованы также KL² = hač «каждый», ҲBYN = angūr «виноград» и т. д.

² См. «Документы...», стр. 30—38, текст И-1.

³ См. также «Новые находки...».

⁴ Отметим раздельное написание предлога B, что выдает его идеографический характер: по-арамейски предлог B, насколько нам известно, всегда пишется только слитно со следующим словом.

в архив. Она вписывалась на специально оставленном для нее месте, после числа сосудов и перед датой, либо, если специального места для нее оставлено не было, в той же строке, что и обозначение числа сосудов, или же между строк. В документе II-45 эта приписка выглядит так: MN PTPRHK II. Та же приписка имеется и в опубликованных ранее документах II-II и II-VII, где она не была нами понята. В пер-

Рис. 1. Документ II—28

вом из этих документов строки 4 и 5 являются вставкой, сделанной другой рукой. Эту вставку нужно, в исправление нашего прежнего чтения, читать: 4. MN PTPR HK II 5. NWRŠT¹. В документе II-VII приписка сделана неразборчиво между 2-й и 3-й строками, и нами при транскрипции и переводе не была принята во внимание².

PTPR образовано, повидимому из *pati + par- «наполнять», ср. средне-персидское phurpṭ «наполнять» из *pati + par-, авестское par- «наполнять». Смысл слова HK пока нам здесь неясен. Менее вероятно считать PTPRHK одним словом, ср. ново-персидское farḡhav «амбар, кладовая»?

Сток. 4. Формула HN'LT 'L ŠNT «взнос на год...» объяснена нами в «Документах...»³. Имя «Арьябарзан» было известно до сих пор в греческой передаче Ἀριοβαρζάνης⁴. Имя это образовано от общего самоназвания иранских племен ārya- и слова barzān, от древне-иранского *brzānā «высота» (сравни авестийское barəzan «высота», согдийское brz'k «высокий, длинный»; новоперсидское burz «высота, высокий» — один из многочисленных парфянизмов в персидском).

То же имя «Арьябарзан» встречается в совпадающих по формуляру документах: II-24, II-29, I-33; повидимому, оно же упоминалось во всех документах этой серии,

¹ «Документы...», рис. 11; ср. «Новые находки...», где дано полностью новое чтение этого документа.

² «Документы...», рис. 17.

³ «Документы...», стр. 36 сл.

⁴ Например, Арьябарзан I, известный современник Суллы и Митридата Понтийского, часто упоминается в античной литературе; Арьябарзан III, современник Цицерона (Plut., Cic., 36,1) и др.

за исключением, возможно, документа I-64, несколько отклоняющегося от данного типа и в других отношениях.

Все документы этой серии датированы 180 годом аршакидской эры (67—66 г. до н. э.), за исключением, быть может, документа I-64. В перечисленных документах после имени «виночерпия» находится указание, уточняющее круг его деятельности; вероятнее всего оно относится к подчиненному ему участку. Указание это всегда одно и то же: ZY MN WRGSTYŠ «который из WRGSTYŠ», за исключением документа I-64, содержащего другое, более подробное пояснение.

б) Образец документа о сборах с «Фриапатиевской» земли

I-44.¹. BHWT³ ZNH MN PRYPTYKN MN K[RM]₂ BZBRY LYD HŠTRP HM X III III III₃. {[MN PTPR H]K I}₄. HN LT L ŠNT IC XX XX XX X II₅. HYTY WTRGNK MDWBR Z[YB...].

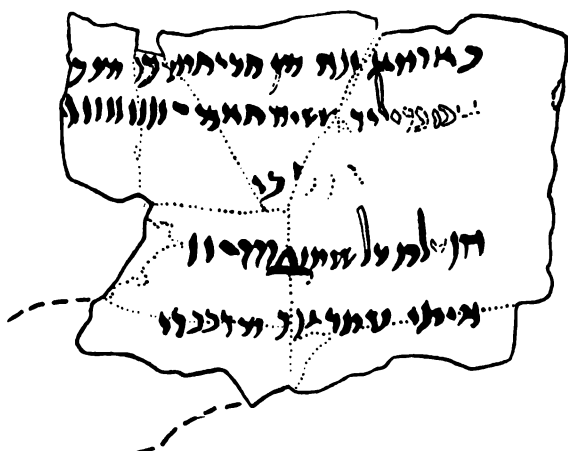

Рис. 2. Документ I-44.

Перевод:¹. По этой расписке (?) из «Фриапатиевской» (земли), из ви[ноградника]₂. по[датного], в руки сатрапа сосудов 19.₃. [Из хранилища H]K I (другой рукой).
4. Взнос за год 172₅ доставил(и), Вархрагнак, виночерпий, ко[торый в].

Комментарий: Стк. 1. Виноградник здесь определяется как относящийся к категории PRYPTYKN (варианты: I-69 — PRYPTKNY, с -Y—флексией косвенного падежа, зависящей от предлога B; I-30 — PRYPTKN). PRYPTYKN — название местности с суффиксом -kān, образование от имени собственного Friyapāt(i), латинское Priapatus (вариант: греческое Φριαπίτης)¹. О значении наименования «Фриапатиевский» будет сказано ниже.

Варианты формулы этой строки: I-69 — MN KRM² BZBRY ZY B PRYPTKNY «из виноградника податного, который на „Фриапатиевской (земле)“; в документе I-30, по-видимому, опускается MN KRM² BZBRY.

Стк. 2: LYD — арамейское ləyad^h, означает букв. «в руку». Следующее за тем слово — титул «сатрап» в его иранской форме, ср. HŠTRP в парфянской надписи Артабана V в Сузах (на арамейском «койнэ» сатрап назывался rehātā — из ассирийского rehātu, bēl rehāte, — или же ahašdarpanā). Варианты: I-69 — LYD RZYPTY

¹ Just., XII, 5, 9; Arr., Parthica, фп. 1 (у Фотия, фп. 58).

«в руки начальника виноградников»; I-29 — LYD MTRPRN [RZ]YPTY «в руки Михр-фарна (древнее *Miθrafaṛna), начальника виноградников»; II-22 и I-30 дают другие имена и титулы.

Стк. 3. Варианты: II-22 — {MN PTPRIK I}, I-69 — {MN PTPRIK II}.

Стк. 5. Имя WRTRGNK читается Vahrhānak и образовано от имени божества Веретрагны, древне-иранское *Vrθraṇa-, среднеперсидское (из парфянского) Varhrān, позже Vahrān, новоперсидское Bahrām.

Эта серия документов имеет различные даты. Различны и имена «виночерпиев»; так, в I-69 (и I-30?) мы встречаем «виночерпий» BHTDTK Бахтдатака, «который из WRGSTYŠ».

в) Образец документов о сборах с «Артабановской» земли:

I-72. 1. BḤWT ZNH MN KRM ḂZBRY
2. {RTHŠTRKN KRY} (вписано между строк).
3. MN ḂRTBNWKN HM X III III. 4. {MN [PTPRHK
II]} 5. HN ḂLT ḂL ŠNT I C XX XX XXX III
6. NYTY ḂRTWRŠT MDWBR 7. ZY MN SYGBYŠ

Перевод: 1. По этой расписке (?) из виноградника податного, 2. «Артаксерксовской» (землей) называемого (вписано между строк), 3. из «Артабановской» (земли) сосудов 18, 4. [Из] храпилища НК II (другой рукой). 5. Взнос на год 1746 доставили, Артавирашт (или Артаваршт), виночерпий, 7. который из SYGBYŠ.

Комментарий: Стк. 2 и 3. Данная земля имела два наименования, которые обычно оба и приводятся. Так, в некоторых случаях слова «Артаксерксовской (землей) называемый» вписаны между строк (I-72, I-73), в других написаны сразу, вместе с остальным текстом: I-66 — 1[MN ḂRTBNWKN]2RTHŠTRKN KRY; II-43 — MN ḂRTBNWKN ḂRTHŠTRKN KRY, аналогично в I-34 и др.; лишь в документе I-37 встречаем только MN ḂRTBNWKN «из Артабановской (земли)».

Повидимому, одно из названий — старое, но общезвестное, другое — новое. Оба образованы от имен собственных, а именно ḂRTHŠTRKN от имени Artaxšahr <*Artaxšaθra-, соответствующего древнеперсидского Artaxšaça-, в греческой передаче Ἀρταξέρης, в арамейской ḂRTHŠŠ и др.; наша форма — парфянская. Название ḂRTBNWKN = Artabānukān образовано от хорошо известного в парфянском царском доме Аршакидов имени, которое греки передавали как Ἀρτάβακος. В частности, так звали Артабана II, сына Фриапатия и отца Митридата II, и Артабана III, сына Митридата II и предшественника Синатрука.

Дата документов этой серии исходу, где она может быть прочитана (I-72, I-73, I-66, II-43, I-34), — одна и та же, 174 год аршакидской эры (73 — 72 г. до н. э.).

Стк. 7. Слово SYGBYŠ, повидимому, означает название местности, как это следует из сопоставления с текстом I-64.

Помимо серий документов, где говорится о земле «дворцовой», «Фриапатиевской» и «Артабановской», имеются еще документы, где речь идет о земле «Митридатовской» (MTRDTKN, II-2, II-44 и др.) и «Готарзовской» (GWTRZKN, II-47).

Рис. 3. Документ I-72

Кроме того, среди документов, открытых в 1951 году, находится довольно значительное количество текстов, близких к этим же типам и также посвященных сбору вина, но отличающихся от издаваемых некоторыми особенностями. Среди них особого внимания заслуживают документы, представляющие собой записи о взносе вина, сделанном «лично» или «от себя» (MN NPŠH) теми или иными лицами (II-40, II-49)¹. Далее, имеется некоторое количество документов, посвященных получению других продуктов виноградарства — уксуса (HLH, иранск. *sik* — I-46, I-49 бис, I-57, I-79, II-27 и др.) и винограда (NBYN, иранское *angūr* I-77). Для этой группы документов характерно отсутствие указания на количество получаемого продукта и имени ответственного лица, а для уксуса — также и отсутствие даты.

Среди документов находки 1951 года особняком стоит документ III-36, представляющий собой опись каких-то продуктов с указанием количества в различных мерах обозначенных сокращенно. В конце дан итог, вводимый идеограммой KL² «всего».

3. Предварительные исторические выводы

Новые документы позволяют значительно расширить и уточнить сделанные ранее выводы относительно значения для истории и филологии открытых в Нисе письменных памятников.

В первоначальной публикации² мы пришли к выводу, что перед нами документы о сборе натурального налога с виноградников, возможно, общинных. Что речь идет действительно о каких-то регулярных взносах, следует из формулы HN³LT L ŠNT «взнос на год...». Что это взносы вином — видно было из их поступления с виноградников (KRM⁴) и измерения мерами емкости (HM). В настоящее время это высказанное нами на первых этапах исследования предположение доказывается уже целым рядом данных, в том числе упоминанием других продуктов виноградарства: винограда (NBYN) и уксуса (HLH), а также упоминанием «начальника виноградников» (RZYPT) и «хранителя виноградников, виноградаря» (RZPN).

Новые документы позволяют дифференцировать категории земель, с которых эти взносы поступали.

Хотя обозначения земель в документах довольно разнообразны, все они могут быть отнесены к трем или, может быть, четырем категориям.

1) Земли 'PDNK = арадāнак. Как видно из самого названия, это земли непосредственно царского хозяйства. Обычно в документах этого рода нет уточнения местоположения виноградника в пределах этих земель, за исключением одного случая (I-64), где указано, что виноградник находится в (местности?) SYGBYŠ. Нет указаний, делилась ли эта земля между индивидуальными или коллективными держателями, или же она представляла собой сплошной массив, обрабатываемый рабами, либо другими категориями производителей материальных благ, продукты труда которых поступали прямо в распоряжение царского хозяйства. Во всяком случае, с земель арадāнак в течение года поступал не один взнос, а несколько, причем упоминается один и тот же «виночерпий», и в документах не делается пометок, что данные взносы поступают с разных частей этих земель; однако относительно «виночерпия» неизменно говорится, что он MN WRGSTYŠ, что, повидимому, указывает на участок, на который распространялись его полномочия (ср. также упомянутое выражение MN SYGBYŠ в первой строке документа I-64).

2) Земли, обозначенные названиями, производными от собственных имен⁵ («Фриапатиевская», «Артабановская», «Митридатовская», «Готарзобская»). Характерно, что все имена собственные, от которых образованы названия этих земель, — это имена царей Аршакидской династии, точнее, предков и предшественников на престоле тех царей, которые правили в Пар-

¹ См. «Новые находки...».

² «Документы...», стр. 62 сл.

фии в начале I в. до н. э. Это Фриаптий — третий парфянский царь, и затем младшая линия его потомков: Артабан II, Митридат II и, далее, преемник последнего — Готарз I. Так как в момент составления документов этих царей уже не было в живых, то, очевидно, речь идет о землях, посвященных их заупокойному культу. Это тем более вероятно, что Исидор Харакский в своем дорожнике «Парфянские стоянки» сообщает нам о том, что в Нисе находились царские гробницы².

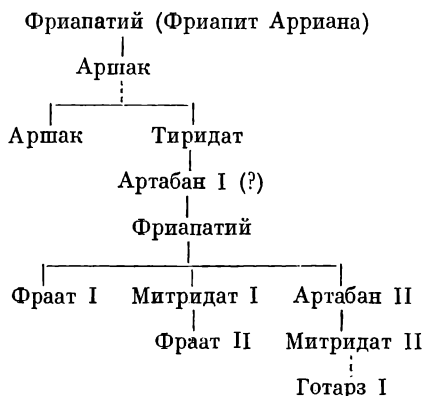
Как и на землях первой категории (арадāпак), виноградники и здесь не обозначаются поименно, так как, повидимому, отнесение их к землям, посвященным культу того или иного царя, являлось достаточным их определением. Подобно дворцовым землям, из которых они, очевидно, и выделены, земли заупокойного культа входили в сферу деятельности «виночерпия», обозначаемого в документах, как «который из WRGSTYŠ» или «который из SYGBYŠ».

Заметим, что земля «Артабановская» обозначалась еще и как «называемая (также) Артаксерксовской». Как мы указывали выше, одно из этих названий является, вероятно, первоначальным, а другое — введенным позднее. Очевидно, недавно введенным является название «Артабановская», что связано с учреждением культа умершего царя Артабана II (128 — 124 гг. до н. э.). Раньше же эта земля считалась «Артаксерксовской», т. е., вероятно, посвященной культу ахеменида Артаксеркса II Мнемона, к которому возводили свой род парфянские цари Аршакиды³. Эта, несомненно фальшивая, генеалогия была составлена для того, чтобы оправдать притязания Аршакидов на царскую власть. Подобные же генеалогии, обычно более или менее сомнительные, имелись у царей Понта, Армении, Каппадокии, Персиды и даже у Селевкидов. Быть может, вся земля, выделенная для культа царских предков, была посвящена Артаксерксу, как родоначальнику, и от нее постепенно отрезали участки и посвящали умершим царям.

В документах, упоминающих «Фриаптийевскую» землю, регулярно обозначается то лицо, в распоряжение которого в дальнейшем поступает взнос (например, «в руки Михрфарна, начальника виноградников», «в руки сатрапа»). Почему такое указание отсутствует в других сериях — неясно.

С этих же двух категорий государственных земель и поступали, вероятно, уксус и виноград, о которых говорят некоторые документы; эти виды продуктов принимались без счета, так как при хранении их не требовалось, очевидно, столь строгого

¹ Вот генеалогическая таблица первых царей Аршакидской династии:

² Is. Char., 12.

³ Arr., Parthica, фрагмент 1 у Синкелла. К Артаксерксу возводила, по-видимому, свой род и династия Арташесидов в Армении.

контроля, как при хранении вина (уксус не представлял особой ценности, будучи побочным продуктом, образовывавшимся при скисании вина, а виноград хранился лишь краткое время). Однако, если бы речь шла не о поступлении из государственного хозяйства, а об обязательном налоговом сборе с населения, то вряд ли можно было бы обойтись без указания размера взноса и этих продуктов.

3) Прочие земли. В собраниях документов из Нисы имеются еще тексты, говорящие о сборах с каких-то иных категорий земли. Пока более или менее определенно можно говорить лишь об одной из этих категорий. О ней идет речь в серии документов, в большинстве происходящих из Новой Нисы, изданной в нашей первоначальной публикации. В противоположность документам, связанным с землями первых двух категорий, в текстах этой серии всегда есть название виноградника, но нет указаний на категорию земли. Эти документы, вероятно, касаются сборов с общинных земель; так, в Авроманских пергаментях, говорящих о продаже виноградника членом общины и принятии в общину покупателя, общинная земля фигурирует под конкретным названием виноградника.

Следует отметить, что все упомянутые выше категории земель объединяются обозначением $^3\text{BZBR}(Y) = \text{āḫāzbar}^1$. До сих пор, исходя из предложенной нами этимологии этого слова, мы условно переводили его как «податной, приносящий подать» — bāḫ . Однако, имея в виду, что этим термином обозначены не только земли частных лиц или общин, но и царские земли, включая и выделенные на содержание культа предков царя, представляется вероятным, что под термином bāḫ следует здесь понимать не обычный налог, а сборы особого рода, скорее всего храмовые. Такого рода сборы, часто приравнивавшиеся официально к жертвоприношениям, но фактически представлявшие собою своего рода налог, хорошо известны в Вавилонии и Ассирии, начиная с древнейших времен и, по крайней мере, вплоть до середины I тысячелетия до н. э.² Это толкование сборов, о которых идет речь в исследуемых документах, подтверждается тем, что имеются отдельные тексты, в которых взнос делает то или иное лицо «само», «лично» или «по собственному желанию». Именно этот оттенок значения имеет характерное для этих документов арамейское выражение MN NPŠH , дословно — «от своей души», «от себя самого». Отметим, что в документах этого типа (II-40 и II-49) не указывается, что взнос поступил с земли āḫāzbar ; возможно, что речь идет о владельцах или собственниках земель особой, четвертой категории, не подлежавшей данным сборам. Разумеется, что при том материале, которым мы пока располагаем и который до сих пор подвергался исследованию, такое объяснение может считаться лишь предположительным.

Остановимся теперь на вопросе о характере и составе открытого архива. Первые шесть черепков были найдены при работах 1948 г. на городище Новая Ниса. Один черепок был найден при случайных обстоятельствах на городище Старая Ниса в обрыве старой траншеи. Находки 1951 г. были сделаны в царском хранилище вина на Старой

¹ Чтение uzbar , предложенное нам проф. А. А. Фрейманом, сейчас отпало: во-первых, потому, что в подавляющем большинстве случаев в документах мы имеем написание $^3\text{BZBR}$, а во-вторых, потому, что в документе II-44 встретилось употребленное в том же смысле и происходящее от того же корня слово RTBYUK .

² Таковы еще в III тысячелетии до н. э. сборы maš-da-ri-a «постоянный козленок» и gud-da-ri-a «постоянный бык», представлявшие основной вид натурального налога в Шумере, в особенности при III династии Ура, но формально являвшиеся жертвоприношениями и собиравшиеся храмами. Таковы же, например, и ассирийские храмовые налоги ginū (шумерское gi-na «истинный, верный, постоянный») и sattukku (шумерское sà-dug_4 «установленная доля, регулярное жертвоприношение»), см. И. М. Дьяконов, Развитие земельных отношений в Ассирии, Л., 1949, стр. 124. Эти налоги поступали в виде хлеба и пива с особых «земель ginū » и «земель sattukku », представляющих, может быть, аналогию землям āḫāzbar наших документов.

Нисе. Хранилище это относится к I—II векам н. э., следовательно, документы находятся там во вторичном залегании. Действительно, они использованы как клинья и подпорки для придания устойчивости большим сосудам с вином. Однако несомненно, что архив находился где-то неподалеку, поскольку при закреплении сосудов в кладовой брался, разумеется, подручный материал; следовательно, на этой территории винные склады и служебные помещения, связанные с соответствующим делопроизводством, находились уже и в более раннее время.

Чтобы понять характер и значение архива, найденного в этих служебных постройках, необходимо представить себе, что такое городище Старая Ниса.

Как уже определили археологи, работавшие на городище¹, Старая Ниса являлась своего рода царским заповедником. Мощная стена ограничивала неправильный пятиугольник, в центре которого находились дворец и храмы, окруженные парком с водоемами. В северной части заповедника находился комплекс служебных помещений, повидимому, кладовых и казнохранилищ. Помимо указанных строений, в пределах стен заповедника не было никаких крупных зданий, кроме казарм и других построек, обслуживавших военную охрану. М. Е. Массон отметил ритуально-погребальный характер многих находок в Старой Нисе и, в частности, замечательных ритонов из слоновой кости, найденных в северном комплексе заповедника. Таким образом, найденные в 1951 г. документы принадлежали, очевидно, архиву культового заповедника аршакидских царей, что полностью согласуется с данными, почерпнутыми из самих текстов.

Архив Старой Нисы был, вероятно, огромен, и хранившиеся в нем документы касались различных сторон хозяйственной жизни заповедника; пока доступны исследованию только отдельные группы первичных документов, случайно выхваченные из устаревшего уже архива винного склада. Несомненно, что эти документы ежегодно сводились в большие отчеты, которые одни только и могли бы дать нам полное представление об объеме и характере всех поступлений.

Заканчивая настоящее предварительное сообщение о ходе работ над архивом документов из Нисы, следует указать на те основные проблемы истории и истории культуры Средней Азии парфянского периода, которые, как можно надеяться, найдут более или менее полное освещение в результате исследования этого архива.

Прежде всего мы получаем новые данные по истории земледелия и, в частности, виноградарства в Средней Азии, а также по истории земельных отношений, и тем самым данные о положении производителей материальных благ. Уже сейчас вырисовывается возможность классификации различных видов земель и значительно обогащаются наши представления о социально-экономических отношениях в Парфии. В области политической истории исследуемые документы позволят, быть может, уточнить хронологию и последовательность правлений парфянских царей, иногда подтвердить само существование того или иного исторического лица (как, например, в случае с Фриапатием, известным нам до сих пор лишь по единичному, очень неясному упоминанию у Юстина)². Становится весьма вероятным ближайшее родство Готарза I с его предшественником Митридатом II, в то время как ранее полагали, что он принадлежал к другому аршакидскому роду. Материалы парфянского архива из Нисы прольют некоторый свет на вопросы административного устройства и управления в парфянском царстве. Все эти вопросы не находили себе освещения в скудных повествовательных источниках.

¹ М. Е. Массон, Городища Нисы в селении Багир и их изучение, Труды ЮТАКЭ, I, стр. 41; он же, Некоторые новые данные по истории Парфии, ВДИ, 1950, № 3, стр. 41, сл.; Г. А. Пугаченкова, Парфянские крепости Южного Туркменистана, ВДИ, 1952, № 2, стр. 218—220; она же, К характеристике крепостной архитектуры Старой Нисы, Известия АН Туркм. ССР, 1952, № 4, стр. 16—21.

² Just., XLI, 5, 9.

Особенно неясными были всегда вопросы истории культуры и, в частности, религии Парфии. Раскопки, производящиеся в Нисе Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией под руководством М. Е. Массона, уже дали богатейшие материалы для суждения о характере этой культуры; однако некоторые вопросы не могут быть полностью разрешены только археологическими методами, без помощи письменных источников.

Исследуемые документы, давшие нам уже полтора десятка парфянских теофорных и связанных с религиозными представлениями имен, явятся важным источником по истории религии в парфянской державе.

Нам уже приходилось указывать на большое значение нисийских документов для истории письменности и, в особенности, для проблемы происхождения письменности «пехлеви» с арамейскими идеограммами. Накопление материала, надо полагать, даст возможность внести в этот исключительно сложный вопрос большую ясность. Характер документов не позволяет надеяться на очень значительные прибавления к известному нам парфянскому словарю; однако уже первые опубликованные восемь текстов дали некоторый новый материал по языку парфян, а документы 1951 — 1953 гг. дадут, несомненно, еще больше. Особенно важно для иранской филологии, что исследуемые документы относятся к тому периоду развития иранских языков, который до сих пор был освещен памятниками более чем скудно.

И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц

НОВАЯ НАДПИСЬ В ЧЕСТЬ АХИЛЛА ПОНТАРХА

В 1937 г. значительное собрание посвячительных надписей в честь Ахилла Понтарха в Одесском государственном археологическом музее пополнилось еще одним памятником прекрасной сохранности. Это — мраморная плита высотой 64, шириной 23 и толщиной 20 см. Найдена она была в селе Малый Бейкуш (2,5 км западнее Очакова) при рытье канав для изгороди. В музее плита была передана областной инспекцией по охране памятников. (рис. 1)

Греческая надпись расположена на одной стороне плиты столбцом из 14 строк (средняя высота букв — 18 мм). Она переводится следующим образом:

'Αγαθῇ τῷχῃ	В добрый час,
'Αχιλλεὺ Πον-	Ахиллу. Пон-
τάρχῃ οἰπερ[ι]	тарху (те), кто при
Δαδᾶν Πει-	Даде, (сыне) Пи-
5 σιστράτου	5 сестрата,
τὸ γ' ἄρχοντες	в 3-й раз (архонтствующем), архонты:
'Αμώσπαδος	Амоспад,
'Αχιλλέος Στρα-	(сын) Ахилла, Стра-
των 'Αχιλλέος	тон, (сын) Ахилла,
10 Διονυσίουδω-	10 Дионисиодо-
ρος Ἐρωτος	р, (сын) Эрота,
Σκαρτανός	Скартан (сын),
'Αζαίου χαρι-	Азизя, благодар-
στήριον	ственное приношение (посвя-
	тили).

Как видим, рассматриваемая надпись была поставлена высшей из правительственных коллегий города Ольвии — коллегией ежегодно сменявшихся архонтов

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

О ЯЗЫКЕ ДОКУМЕНТОВ ИЗ ДРЕВНЕЙ НИСЫ

В связи с обнаружением в Парфавнисе, древнейшей резиденции парфянских царей, большого архива хозяйственных документов естественный интерес вызывает вопрос о примененных в этих документах языке и письменности. Вопрос этот затрагивался в ряде наших публикаций¹ и в статьях проф. И. Н. Винникова² и М. Шницера³. В статье И. Н. Винникова рассматривается также ряд важных вопросов интерпретации данных документов.

С нашей точки зрения, вопрос о языке документов из Нисы не является дискуссионным. Однако поскольку в упомянутой статье такого выдающегося знатока арамейского языка, как И. Н. Винников, делается попытка показать, что язык документов не парфянский, а арамейский, следует постараться, не дожидаясь выхода в свет издания всего архива, которое ныне готовится, внести в вопрос о языке этих документов надлежащую ясность. В настоящее время для этого имеется полная возможность, так как в распоряжении авторов находится уже более 2000 документов, в значительной мере однородного содержания, что позволяет произвести проверку чтений, предложенных ранее на основании единичных текстов.

Прежде чем говорить собственно о языке документов из Нисы, необходимо вкратце остановиться на своеобразном характере письменностей, развившихся на арамей-

¹ И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, Документы из древней Нисы (дешифровка и анализ), МЮТАКЭ, вып. 2, М.—Л., 1951, стр. 21—65; о н и ж е, Новые находки парфянских документов, Изв. Туркм. АН, № 6, 1953; о н и ж е, Парфянский архив из древней Нисы, ВДИ, 1953, № 4, стр. 114 сл.; о н и ж е, Парфянский архив из Южного Туркменистана, Доклады Советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов, М., 1954, стр. 81 сл.— Несколько слов о воспроизведении текстов. Часть из них опубликована нами в фотографической репродукции; примененная методика фотографирования позволила получить воспроизведения, в некоторых случаях более ясные для чтения, чем сами оригиналы. Кроме того, все опубликованные тексты даны в автографиях, представляющих те же фотографии с обведенными тушью знаками и вытравленным фоном. М. Шницер, переиздавая наши тексты, повидимому, не испытывал трудности при чтении их по воспроизведениям. Поэтому вызывает удивление жалоба Р. Фрая (R. N. Frye, J. F. Gillingham, H. Ingholt, C. B. Welles, *Inscriptions from Dura Europos*, «Yale Classical Studies», XIV (1955), стр. 197 сл.) на то, что «важные документы из Нисы, Туркменская республика, СССР (!?), изданы... со скверными фотографиями», причем автор дает ссылку на несуществующую работу «И. М. Дьяконов, Документы из древней Нисы, М., 1952».

² И. Н. Винников, О языке письменных памятников из Нисы, ВДИ, 1954, № 2, стр. 114 сл.

³ M. Sznycer, *Ostraca d'époque parthe trouvés à Nisa*, «Semitica», V (1955), стр. 65 сл.

В период господства Ахеменидской державы официальная канцелярия пользовалась арамейскими письменностью и языком, независимо от того, были ли писцы арамеями или нет. Высшими же чиновниками были преимущественно персы или представители других иранских народностей, и содержание документов докладывалось на иранском языке¹. Вследствие этого в канцеляриях постепенно выработалась стандартная система соответствий определенных канцелярских формул, отдельных выражений и слов арамейской терминологии с отвечавшими им формулами, выражениями и словами иранских языков (персидского, а затем — парфянского, согдийского, хорезмийского и др.).

После падения ахеменидской державы распространяется особый, смешанный вид письменности, в котором целый ряд формул, выражений и отдельных слов пишется по-арамейски, наряду с написанием других слов арамейскими буквами по-ирански — система письма с гетерограммами, получившая позднее (при Сасанидах) среднеперсидское название *uzvāgišn* (буквально «толкование, объяснение») и неточно именуемая также «пехлени».

Уже в XIX в. было установлено, что эта письменность предназначалась для чтения целиком по-ирански, таким образом, что и слова, написанные по-арамейски, следует рассматривать не как лексические заимствования, а как особые зашифрованные написания (гетерограммы), которые читались по-ирански⁴. Точно так же и в текстах, где арамейские написания преобладают, слова, написанные по-ирански, следует рассматривать не как лексические заимствования в арамейский язык, а как раскрытые написания, применяемые наряду с арамейскими гетерограммами при чтении всего текста по-ирански. Происхождение этой своеобразной системы письма до сих пор

² См. МЮТАКЭ, вып. 2, М.—Л., 1951, стр. 53. По устному сообщению Р. Фрая надпись арамейскими буквами из Накш-и Рустама, на которую мы опирались в своем мнении о том, что арамейский алфавит был применен к иранскому языку еще в ахеменидское время, принадлежит не к ахеменидскому, а к более позднему периоду. Решение этого вопроса невозможно до надлежащего переиздания этой надписи. Однако, если копия, опубликованная Э. Херцфельдом (E. Herzfeld, *Altperische Inschriften*, В., 1938, стр. 12), не представляет собой чистой фантазии, то в этой надписи встречаются явно древнеперсидские слова, например ТУ (стр. 4, 17, 18, 20, 23) = древнеперсидское tu; НУ (стр. 16 и др.)=hu; ḥšYTY WZRK=xšāyaθiya vazraka (стр. 20). MN—очевидно, не арамейское min, а древнеперсидское manā; при этом не отрицается ни одного бесспорно арамейского слова. Письмо этой надписи в копии Херцфельда почти не отличается от письма эфединских папирусов V в. до н. э.

4 Эта система письма по своему принципу в точности совпадает с аккадской (асиро-вавилонской), где также встречающиеся в тексте шумерские формулы, выражения и слова читаются по-аккадски; иной раз в тексте почти или совсем нет слов, написанных по-аккадски, и, однако, текст не может читаться по-шумерски. Речь и здесь идет о фетерограммах, а не об «идеограммах», т. е. изобразительных знаках для понятий фонетически написанного текста.

порождает некоторые споры, однако самый его характер уже давно не вызывает никакого сомнения.

Число гетерограмм было первоначально, видимо, очень значительным во всех письменностях, созданных на арамейской основе в Иране, Средней Азии и Закавказье. Зашифрованные написания применялись для подавляющего большинства наиболее употребительных слов (глагольная лексика, местоимения, предлоги, наречия, союзы, имена родства и т. п.) и даже для целых выражений. В дальнейшем в некоторых письменностях количество гетерограмм постепенно уменьшается. Так было, например, в согдийской письменности, где число гетерограмм в памятниках VIII—IX вв. меньше, чем в текстах начала IV в. (так называемые «старые согдийские письма»). В парфянской и среднеперсидской письменностях гетерограммы продолжали широко употребляться и в надписях Аршакидов, и в сасанидских надписях III—IV вв., и в книжном среднеперсидском. Для книжного среднеперсидского были составлены специальные словари, так называемые *Frabang-i pahlavîk*, содержащие расположенные в тематическом порядке списки гетерограмм и их раскрытые иранские написания¹.

В позднем «книжном пехлеви» арамейские гетерограммы для глаголов обычно имеют при себе фонетические комплементы в виде приписанных к гетерограмме (часто вместе с ее арамейскими формантами) иранских морфологических показателей (например, YBLWNt = *burt* «он унес», YBLWNwm = *barom* «я уношу») или вообще окончаний соответствующих слов (например, TBRWNstn = *škastan* «ломать», ср. написания имен существительных типа 'MYtr = *mātar* «мать» и т. п.), что бесспорно указывает на гетерографический характер арамейского написания. Однако, в противоположность указанию И. Н. Винникова², в ранних текстах, в частности в текстах парфянского времени, фонетические комплементы употребляются редко, а в некоторых текстах и вовсе не наблюдаются. Поэтому отличить иранский текст с обилием гетерографических написаний от арамейского текста с отдельными иранскими лексическими заимствованиями можно только путем установления фактов нарушения правил арамейского синтаксиса и морфологии и, напротив, правильного употребления иранской флексии при словах незашифрованного написания.

Отсюда вытекает парадоксальный факт: можно расходиться во мнении относительно языка памятника и все же не расходиться в чтении и толковании его содержания. Таково именно положение в случае интерпретации текстов из Нисы, предложенных нами и И. Н. Винниковым³. Различное объяснение отдельных слов и вытекающие отсюда выводы о содержании документов определяются в данном случае не различием во мнениях относительно языка документов, а только различной этимологизацией и переводом соответствующих слов. Смысл текста не меняется от того, рассматриваем ли мы арамейские слова как гетерограммы, имеющие иранское чтение, или нет. Показательно, что И. Н. Винников, в корне расходясь с нами в определении языка документов, в подавляющем большинстве случаев принимает предложенные нами чтения и толкования отдельных слов.

Следует пожалеть, что И. Н. Винников писал свою статью, повидимому, до опубликования в ВДИ нашей статьи о парфянском архиве из Нисы⁴, а после ее опубликования

¹ Позднее в эти словари включаются и ложные гетерограммы — некоторые среднеперсидские слова в исторической орфографии, а также написания, допускающие несколько чтений. Несомненно, многие гетерограммы вышли из употребления ранее составления этих словарей.

² И. Н. Винников, ук. соч., стр. 127.

³ Поэтому, например, М. Шницер, давая свой перевод текстов из Нисы, воздерживается от категорического суждения по поводу того, написаны ли они по-арамейски или по-ирански, но склонен отнести их к категории «предпехлеви» с преобладанием арамейских элементов. Если иметь в виду преобладание этих элементов в письме, то с этим вполне можно согласиться.

⁴ И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, Парфянский архив из древней Нисы, ВДИ, 1953, № 4.

не внес в свою работу соответствующих коррективов. Поэтому в некоторых случаях он опровергает такие положения нашей первоначальной публикации, которые в результате находки большого количества документов, сверх первых опубликованных нами восьми, уже и сами собой отпали, как это и отмечено в нашей статье в ВДИ. С другой стороны, он не высказывается по поводу приведенной нами в этой второй статье аргументации в пользу парфянского характера языка документов¹.

Ниже мы постараемся разобрать аргументы И. Н. Винникова в пользу того, что рассматриваемые документы написаны по-арамейски, а затем приведем доказательства в пользу того, что язык документов — парфянский.

Следует подчеркнуть, что речь идет не только о данных документах, но и о парфянских текстах вообще², так как по обилию и типу употребления арамейских гетерограмм, по характеру нарушений правил арамейского синтаксиса и морфологии, наконец по характеру употребления иранской флексии при незашифрованных написаниях документы из Нисы не отличаются принципиально от других, более поздних парфянских памятников, — как известного ранее Авроманского пергамена, так и документов, введенных в научный обиход уже после первых наших публикаций.

Приведем для примера начало письма на парфянском языке позднепарфянского времени из Дура-Эвропос³:

šLM WšRRt šGY' H[W]šRT LMRy' QDM hwtwy KTYT wspz[mn]y šL[M H]WY[H] 'wgwn šwgwn hwtwy BNPŠH «Благополучия и силы много посылаю господину моему; непрерывно на все времена перед господином (моим) да будет благополучие так, как самому господину (угодно)».

Здесь мы не только встречаем большую канцелярскую формулу (приветствие), написанную на более или менее правильном арамейском языке, но и сама эта формула прямо засвидетельствована в арамейских письмах ахеменидского времени⁴. И тем не менее употребление иранских слов (wšrzmn и др.) в тех случаях, когда в арамейском имелись вполне употребительные эквиваленты, параллельное употребление то гетерографического написания MRY'⁵, то раскрытого иранского hwtw для такого обыкновенного слова, как «господин», наличие иранской флексии при иранских словах (hwtwy, wšrzmn) — все это указывает на то, что арамейский текст является здесь гетерографическим и что документ следует читать по-парфянски. Сомнения это до сих пор никогда не вызывало. Лишь в тех случаях, когда текст написан гетерографически сплошь или с применением всего одного-двух иранских слов, могут возникнуть сомнения по поводу определения языка памятника. Таковы надписи из Арабиссона в Малой Азии, надписи из Армази и Бори в Грузии, надписи Артаксия I из Армении и некоторые

¹ И. Н. Винников (ук. соч., стр. 116) называет семь из публикуемых им черепков ранее не изданными, хотя документ I, 72 уже был издан нами в указанной статье, а некоторые другие были привлечены в тексте наших статей. И. Н. Винников не учитывает также сделанных нами после первой публикации дополнений в чтении текста документа И-VII.

² Исключение составляют лишь манихейские тексты на парфянском языке, относящиеся к гораздо более позднему времени и написанные разновидностью сирийского письма (так называемым «эстрангело»).

³ W. B. Henning, рец. на Franz Altheim und Ruth Stiehl, *Asien und Rom*, «Gnomon», 26 (1954), стр. 477. — Крупным шрифтом указаны гетерограммы, мелким — раскрытые иранские написания.

⁴ См. E. Sachau, *Aramäische Papyrus und Ostraka aus Elephantine*, Lpz, 1911, № 16; G. R. Driver, *Aramaic Documents of the 5th Century B. C.*, Oxford, 1954, №№ 1, 5 и др.

⁵ Ср. MR'Y — гетерограмма, сохраняющаяся в согдийской письменности до VIII—IX вв. н. э., как об этом свидетельствуют документы архива Диваштича и согдийские тексты буддийского содержания.

другие¹. Однако и в этих случаях грубые нарушения элементарных правил арамейской грамматики заставляют подозревать гетерографический характер текста.

Каковы же аргументы И. Н. Винникова в пользу того, что документы из Нисы написаны по-арамейски? Приведем его положения дословно, лишь с небольшими сокращениями в несущественных местах². При этом мы позволим себе переставить порядок приводимых И. Н. Винниковым пунктов, так как пункт, поставленный им первым, является наиболее серьезным и требует внимательного анализа текста.

Итак, аргументы И. Н. Винникова сводятся к следующему:

1. «Нисийские надписи получают удовлетворительное объяснение только на основании арамейской лексики. То обстоятельство, что в надписях встречается известное количество иранских слов, ровным счетом ничего не доказывает. Некоторые из этих слов (как, например, 'pdnk — дворец) были уже давно заимствованы в арамейском языке из персидского, а другие (как, например, 'bzbyr — загородный (?), mdwbr — виночерпий) представляют специфические местные технические термины». Далее автор приводит примеры заимствований из иранских языков в арамейский язык.

На это можно возразить, что любая гетерографическая надпись, тем более надпись, где гетерограммы, — как это обычно в ранних иранских текстах, — весьма обильны, естественно, может получить удовлетворительное объяснение только на основании арамейской лексики. При нашем издании и толковании текстов анализ гетерограмм, само собой разумеется, исходил именно из этого основания. Достаточно сказать, что в публикации И. Н. Винникова нет ни одного слова, которое бы мы толковали как иранское, а нашему оппоненту удалось доказать, что оно арамейское, — ни одного арамейского слова, которое не было бы уже раньше отмечено нами как арамейское. Да и в толковании этих слов И. Н. Винников расходится с нами лишь в незначительном числе случаев, причем, как будет показано, в тех случаях, когда И. Н. Винников не сходится с нами, причина этому не в том, что мы не усмотрели арамейский характер слова, а в разном понимании слова с точки зрения арамейского же языка.

С другой стороны, никак нельзя согласиться с И. Н. Винниковым, что наличие в текстах иранских слов «ровным счетом ничего не доказывает». Прежде всего, иноязычные слова, как общее правило, заимствуются в прямом падеже единственного числа, а не в косвенном падеже. Это показывают и приводимые И. Н. Винниковым примеры, и специальные исследования, посвященные иранским словам в арамейском³. Между тем в текстах из Нисы у ряда иранских слов, которые по своему синтаксическому положению должны стоять в косвенном падеже, мы действительно видим соответствующую иранскую флексию косвенного падежа (-Y). И. Н. Винников не пытается дать общего объяснения наличию этой флексии.

Заимствованные слова в ряде случаев претерпевают фонетические изменения в соответствии с фонетическими нормами языка, их заимствовавшего, что также видно по примерам, приведенным И. Н. Винниковым, и чего в вавилонских текстах не наблюдается (ср. gīzbārā, gīzbār < ga^hzabāra «казначей»; 'āḥašīarpanā < ḫašḫarāna «сатрап», и т. п.). Некоторые из иранских слов, о которых идет речь, действительно были заимствованы в арамейский язык, однако имели там не ту форму, которую мы встречаем в нисийских документах (например, арам. 'aradnā, 'aradnā < aradāna, *arpadāna, нис. аррадāпак). Особенно характерно в данном случае слово «сатрап». Оно встречается

¹ См. И. М. Дьяконов и К. Б. Старкова, Надписи Артаксия I (Арташеса), царя Армении, ВДИ, 1955, № 2, стр. 161 сл.

² И. Н. Винников, ук. соч., стр. 126 сл.

³ См., например, S. T e l e g d i, Essai sur la phonétique des emprunts iraniens en araméen talmudique, «Journal Asiatique», CCXXVI, № 2, стр. 177—256. Среди 130 иранских слов, заимствованных в арамейский язык в период V в. до н. э. — V в. н. э., нет ни одного, которое было бы заимствовано в форме косвенного падежа.

как в гетерографической форме (PHT'), так и в раскрытой (ḥštrp)¹. Другой пример чередования гетерографического и раскрытого написания (из еще не опубликованных документов) — nwršṭ «новопроизведенное (вино)» и гетерографическое ḤDT.

Наиболее характерный случай, раскрывающий арамейские написания как гетерографические, представляет часто встречающееся в пока не опубликованных документах из Нисы выражение «виноградник Бараметан, называемый новым», который встречается в таких вариантах: 1) Brzmytn KRM' ḤDT (QRY); 2) Brzmytn KRM' nwk QRY 3) Brzmytn KRM' ḤDT nm (?). Это дает полное основание читать все выражение во всех случаях по-парфянски, как Barzmeṭān gaz nawaḱ nām.

Наконец, следовало бы ожидать, что иранские слова, попав в арамейский язык в качестве заимствований, будут подчиняться правилам арамейской грамматики, — как это и наблюдается во всех подлинно арамейских текстах. В частности, когда речь идет об определенном предмете, имя должно получать постпозитивный энклитический артикль (так называемое «определенное состояние»). Например, когда говорится, что вино передается или предназначается «в руку сатрапа», то речь, очевидно, идет не о сатрапе вообще, а об определенном сатрапе, и, следовательно, слово «сатрап», является ли оно заимствованным в арамейский язык или собственно арамейским, должно стоять в определенном состоянии (*LYD ḤŠTRP', а не LYD ḥštrp!). Действительно, как только иранское слово ḥštrp заменяется арамейской гетерограммой, этой гетерограмме придается форма определенного состояния (LYD PHT'). То же самое мы наблюдаем и во всех других подобных случаях. Ни одно иранское слово в нисийских документах не имеет формы арамейского определенного состояния. Таким образом, утверждение И. Н. Винникова, будто наличие в текстах иранских слов «ровным счетом ничего не доказывает», является неверным. Дело не в том, что иранские слова встречаются, а в том, как они встречаются и каким образом употреблены.

2. «В отличие от всех достоверно известных нам парфянских текстов, в особенности Авроманского документа III, также относящегося к I веку до н. э., арамейские слова в нисийских надписях никогда не имеют при себе иранских морфологических показателей и, следовательно, никак не могут считаться идеограммами».

Это утверждение И. Н. Винникова просто фактически неверно. Фонетические комплексы при арамейских гетерограммах в иранской письменности появляются не сразу. При имени они часто отсутствуют и в позднее время. Что же касается глагола, то и здесь нередки случаи отсутствия фонетических комплексов даже в поздних памятниках. Так, например, в среднеперсидской версии (парсик) Хаджибадской надписи Шапура I встречается 13 глагольных гетерограмм, причем ни одна из них не имеет иранских фонетических комплексов². Для ранних памятников это

¹ М. Шницер («Semitica», V, стр. 88³), перепаздавая опубликованный нами текст I-44 (ВДИ, 1953, № 4, стр. 124), вместо ḥštrp читает xšYHP(?), замечая при этом: «Невозможно здесь видеть это слово (ḥštrp.—*Авт.*); в частности, третья буква никоим образом не может быть taw: это прекрасно написанный yod. Кроме того, предпоследняя буква не может быть ḡšh». Несмотря на столь категорическое утверждение, формула LYD ḥštrp (как и равнозначная ей формула LYD PHT') десятки раз встречается в текстах в совершенно ясном написании. Шницер был введен в заблуждение тем, что в опубликованном нами документе знак T поврежден и при этом, по небрежности писца, слился со следующим R.

² См. E. Herzfeld, Paikuli, B., 1924, стр. 87—89. Фонетические комплексы при глагольных гетерограммах часто отсутствуют и в более поздних сасанидских надписях. Например, в надписи из Накш-и Раджаба: YDWYTN (стк. 17) = šnāxt; WZLWN (стк. 19) = šut; LMYTN (стк. 22) = agand; YḤMTWN (стк. 22) = rasit (ср. стк. 21: YḤMTWNt); YKTYBWN (стк. 25) = nipist; в надписи из Накши Рустам: ḤWYTN (стк. 1, 2) = dānist; WBYDWN (стк. 2, 5, 6) = kirt. Наиболее употребительная форма от глагола būtan «быть» — 3 л. ед. ч. — в среднеперсидских надписях (в отличие от более позднего «книжного пехлеви»), как правило выписывается без фонетического компонента: YHWWN = būt.

является правилом. В парфянском тексте Авроманского пергамента, на который ссылается И. Н. Винников, личные формы глагола встречаются три раза, причем в двух случаях выступают арамейские гетерограммы без комплемента. В нисийских документах число личных форм глагола очень невелико, и все они встречаются в стандартном формуляре. Кстати, следует отметить, что почерк Авроманского документа — видимо, более поздний, чем почерки документов из Нисы. В свете новых данных, которые доставлены нам нисийскими документами, дату Авроманского пергамента, вероятно, следует пересмотреть. Надо полагать, что он относится не к I в. до н. э., а к I в. н. э.

3. Наконец, самый серьезный аргумент И. Н. Винникова: «Нисийские надписи составлены в полном соответствии с требованиями арамейского синтаксиса». Это смелое утверждение И. Н. Винников раскрывает далее следующим образом: «В арамейской письменности могут быть без особого труда обнаружены многочисленные примеры грамматических конструкций, встречающихся в этих надписях. Случай несогласованности в роде, наблюдаемый в надписях (*hbt'* сосуд — ж. р., а следующее за *hbt'* указательное местоимение *znh* — м. р.), имеет много параллелей как в известных нам арамейских надписях, так и в памятниках письменности на других семитских языках, хотя не исключена возможность, что здесь оказал некоторое влияние разговорный язык нисийских писцов, в котором грамматический род не различался».

Когда мы говорим о несоблюдении правил арамейского синтаксиса, мы имеем в виду следующие явления, наблюдающиеся в текстах из Нисы:

1. Несогласование в роде (*hWTH ZNH*).

2. Порядок слов. Так, выражение «старое вино» лишь немного реже передается в форме *'TYQ hMR*, *'TYQ hMR*, чем в единственно правильной по-арамейски форме *hMR 'TYQ*¹.

3. Неправильное употребление «состояний» арамейского имени. Сюда относится употребление «сопряженного состояния» перед предлогом, в то время как оно должно употребляться только перед генетивным определением (*HN'LT 'L šNT...*), а также неприменение формы «определенного состояния» (артикли) там, где она требуется (все слова иранского происхождения), и неправильное употребление «определенного состояния» (например, перед генетивным определением).

Все эти явления широко распространены в гетерографической письменности; И. Н. Винников утверждает, что они столь же распространены в оригинальной письменности на арамейском языке. Посмотрим, так ли это.

Коренной слабостью построений И. Н. Винникова является недостаточное внимание к истории языка. Арамейский язык не представляет некоего единства. Он распадается на несколько диалектов, иногда отстоящих друг от друга настолько, что можно сомневаться во взаимопонимании носителей этих диалектов. Все эти диалекты в течение веков и тысячелетий претерпевали значительное развитие. Понятно поэтому, что, приводя тот или иной факт арамейского языка, необходимо прежде всего установить, в какое время и в каком диалекте этот факт появился и получил распространение.

Гетерограммы парфянских текстов восходят не вообще к арамейскому языку, а к определенному его диалекту, именно — к так называемому «западноарамейскому койнэ» или «имперскому арамейскому» — разновидности староарамейского языка, принятой в канцеляриях ахеменидского времени. Язык этот вышел из живого употребления вскоре после падения державы Ахеменидов. В наиболее поздних его памятниках, например в арамейских отрывках Книги Даниила (по всей вероятности, II в. до н. э.), уже заметно вытеснение характерных признаков «имперского арамейского» (глагольной породы *barh'eī*, передачи звука *d* через *z*) более поздними формами

¹ По-парфянски обе конструкции возможны. — Следует также обратить внимание на особенно характерное для гетерографических текстов смещение простого *T* (в данном случае удвоенного) и эмфатического *T*.

Напротив, в гетерографической письменности (если не считать некоторых поздних гетерограмм, проникших из другого арамейского диалекта, — второй слой арамейских гетерограмм по А. Я. Борисову), основанной на застывшем употреблении выработанных ахеменидской канцелярией формул, формы «имперского арамейского» продолжают жить без изменений, если не считать чисто графических искажений, обусловленных сходством написания некоторых букв в поздних пошибах «пехлеви», а также смещения «простых» и «эмфатических» согласных арамейского языка.

И. Н. Винников пишет: «Нас не должно смущать то обстоятельство, что в каком-то районе Парфии в I веке до н. э. надписи составлялись на арамейском языке. В надписях из Танг и Сарвака (ущелье к северу от Бехбехана в Хузистане) II в. до н. э., по мнению Хеннинга, язык также чисто арамейский»¹. Однако это довод не в пользу концепции И. Н. Винникова, а против нее: дело в том, что надписи из Танг-и Сарвака написаны не на «имперском арамейском», а на более позднем, повидимому местном, арамейском диалекте. Как известно, арамеи жили в Хузистане еще с начала I тысячелетия до н. э. В I в. до н. э. на «имперском арамейском» уже никто не писал: сами арамеи пользовались другими диалектами. Он продолжал жить только в гетерографической письменности.

Оценивая приводимые И. Н. Винниковым примеры упомянутых выше синтаксических аномалий в собственно арамейских текстах, мы должны рассмотреть, к какому времени и диалекту относятся его примеры.

Случай несогласования в роде имени с местоимением, конечно, наблюдаются в арамейском языке, однако для староарамейского И. Н. Винников приводит примеры не на это, а на другое, хотя и родственное, явление — несогласование в роде субъекта и именного предиката. Исключение составляет лишь надпись из Таксилы. И. Н. Винников ссылается на чтение стк. 6 этой надписи², предложенное А. Каули: PQYDTY ZNH, однако такое чтение никак не может быть принято. По фотографии и эстампажу надписи³ стк. 6 может читаться как hwptysty ZNH, причем первое слово интерпретируется Ф. Андреасом как иранское hupatīyāstē «хорошо выполняющий (приказ)», где ē — показатель косвенного падежа, ср. авестийское paitīyāsti-⁴. Таким образом, надпись из Таксилы (по всей вероятности, как и документы из Нисы, гетерографическая)⁵ здесь привлечена быть не может.

Несогласование в роде встречается в любых арамейских текстах лишь как аномалия. Если бы писцы Нисы писали на живом арамейском языке, а не пользовались застывшими гетерограммами, они хоть несколько раз (из известных нам почти двух тысяч случаев) употребили бы правильное выражение. Однако десятки писцов на протяжении десятков лет повторяют одну и ту же ошибку. Но если это гетерография, то тут нет ошибки: ZNH является гетерограммой для иранского указательного местоимения, которое в парфянском, как и в среднеперсидском, не различается по родам и, следовательно, может стоять при имени, независимо от того, выражено ли последнее гетерограммой, имеющей в арамейском мужской или женский род.

В отношении неправильного употребления состояний имени И. Н. Винников разбирает только первый случай — сопряженное состояние перед предлогом. Он ссылается на то, что подобное явление наблюдается в сирийском и мандейском арамей-

¹ И. Н. Винников, ук. соч., стр. 127.

² И. Н. Винников, ук. соч., стр. 118.

³ См. F. C. Andreas, Erklärung der aramäischen Inschrift von Taxila, «Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen», Phil.-hist. Klasse, 1932, I, табл. 1.

⁴ Там же, стр. 13.

⁵ В чтении Ф. Андреаса иранские слова (rmydty, 'szwš, hwptysty, hwwrd, hwnštn, hwt[wy]) составляют свыше половины всей лексики этой надписи; ряд форм, по признанию Ф. Андреаса, не находит удовлетворительного объяснения на почве арамейской грамматики.

ских языках. Однако эти языки сложились и существовали многими столетиями позже рассматриваемого нами времени, и тем более — позже времени существования «имперского арамейского». Совершенно не относятся сюда приводимые И. Н. Винниковым примеры из моавитского и финикийского языков, т. е. из других языков и другого времени. К тому же в этих примерах, повидимому, дело идет не об употреблении сопряженного состояния перед предлогом, там, где его нельзя ожидать, а скорее о сохранении древнего женского окончания абсолютного состояния, чего в нашем случае предполагать, конечно, не приходится.

Наконец, если даже признать, что подобные грамматические аномалии действительно могли иметь место в староарамейском, все же они остаются аномалиями, редкостями, и скопление их на протяжении трех-четырёх коротких строк стандартного формуляра делает арамейский характер текста весьма сомнительным, — тем более, что в таком предположении и нет никакой необходимости, так как гетерографические тексты подобного рода давно и хорошо известны и их гетерографический характер установлен много лет тому назад.

Таким образом, следует признать, что И. Н. Винников не имел достаточных оснований подвергать сомнению правский характер языка и гетерографический характер письменности нисийских (а тем самым — и всех им подобных) документов и доказать свой тезис ему не удалось.

Несмотря на столь коренное расхождение между нами и И. Н. Винниковым в вопросе о том, на каком языке написаны документы из Нисы, И. Н. Винников, так же как и М. Шнипер, по существу принимает наше чтение текстов, и лишь в четырех случаях они расходятся с нами в переводе. Так, если мы понимаем слово HWTN , HWT' как обозначение документа, то И. Н. Винников считает это слово (читаемое им $\text{h}b\text{th}$, $\text{h}b\text{t}'$) обозначением сосуда; если мы считаем слово $\text{'wzb}g\text{u}$, обозначающим категорию земли, подлежащей определенным натуральным сборам, то И. Н. Винников переводит слово $\text{'wzb}g\text{u}$ как «загородный (?)»; если мы переводим слово $\text{HN}^{\text{'LT}}$ как «взнос», то И. Н. Винников переводит его «сбор урожая». Наконец, в четвертом случае И. Н. Винников раскрывает слово HM как аббревиатуру HMR MDY «мидийское (или: опьяняющее) вино». М. Шнипер следует за И. Н. Винниковым в первых трех случаях и за нами — в четвертом и, кроме того, условно предлагает новый перевод для слова mdwbg , в отношении которого И. Н. Винников согласен с нами.

Расхождение в переводе четырех слов приводит к тому, что формуляр документов, который мы переводим «По этому документу (?) из виноградника, подлежащего сбору, вина мер столько-то, взнос на год такой-то, доставил(и.) NN, виночерпий»¹, И. Н. Винников переводит «В сосуде этом из виноградника загородного (?) мидийского (?) или опьяняющего) вина столько-то, сбор урожая за год такой-то. Доставил NN, виночерпий»². Отсюда, в то время как мы толкуем документы как учетно-административные, И. Н. Винников толкует их как этикетки, хотя, возможно, и служившие, помимо этой своей основной цели, целям хозяйственного учета³.

Таким образом, расхождение между нашим толкованием и толкованием И. Н. Винникова лежит отчасти в плоскости определения языка, независимо от понимания содержания текста, отчасти же в плоскости перевода отдельных слов независимо от языка документов, причем различный перевод этих слов отражается на понимании текстов в целом и их оценке как исторических источников.

Ниже мы суммируем имеющиеся доказательства в пользу того, что язык документов из Нисы следует рассматривать как парфянский. Но прежде чем перейти к этому вопросу, остановимся вкратце на предлагаемых И. Н. Винниковым объяснениях тех слов, в понимании которых он с нами расходится:

HWT' . И. Н. Винников предлагает в начале формуляра читать $\text{h}b\text{t}'$ в произно-

¹ ВДИ, 1953, № 4, стр. 22; «Доклады...», стр. 84.

² И. Н. Винников, ук. соч. стр. 123.

³ Там же, стр. 127.

нении ḥāb-tā¹. Действительно, в большинстве почерков легко смешать W и B. Этим объясняются, между прочим, наши колебания в чтении слова 'wzbry или 'bzbry. Однако сверка сотен документов, написанных разными почерками, приводит к выводу, что в обоих словах во всех случаях надо читать W, т. е. ḤWT' и 'wzbry. Но слово ḤWT' ни в коем случае не может читаться ḥāb-tā. Во-первых, требуется полногласное написание долгого ī. Неполногласные написания в «имперском арамейском» встречаются в подобных случаях крайне редко и всегда как варианты правильных полногласных написаний. И. Н. Винников приводит несколько примеров таких редких вариантов, но и в них во всех случаях, кроме одного, дело идет о закрытом, а не об открытом слоге. Из десятков нисийских писцов, составивших около двух тысяч документов, где встречается слово ḤWT', хотя бы некоторые должны были написать это слово правильно.

Вторая трудность предложенного И. Н. Винниковым чтения заключается в следующем. И. Н. Винников пишет: «Произношение ḥābītā, т. е. ḥāv'tā, вызвано той особенностью арамейского языка, согласно которой смычные согласные b, g, d, p, k, t, если они не удвоены, заменяются после гласного щельными согласными bh, gh, dh, ph, kh, th. Следовательно, ḥābītā = ḥābītā, т. е. ḥāv'tā». Между тем иноязычные передачи арамейских слов I тысячелетия до н. э. и первых двух столетий после начала нашей эры, равно как и старейший слой заимствований в арамейский из иранских языков, показывают, что в это время интервокальное b было лишь придыхательным и еще не превратилось в v, и оснований для смешения в написании B и W еще не было. Исключение может быть лишь для b(h) в конце закрытого слога, где оно, повидимому, могло уже рано переходить в w. Не случайно все приводимые И. Н. Винниковым примеры подобного смешения B и W в интервокальном положении относятся к средневековым текстам. Таким образом, нет оснований видеть в ḤWT' нисийских текстов слово ḥābītā «сосуд». Скорее можно было бы здесь видеть, например, слово ḥōbtā «долг, обязанность», отсюда, может быть, «обязательство».

Каково действительное точное значение этого слова — пока еще неясно; предложенное нами толкование его как ḥāwūlā «род документа (?)» является условным, как это и подчеркивалось в наших публикациях. Однако просто отбросить наше толкование в настоящее время не представляется возможным.

Даже в том случае, если бы ḤWT' означало не род документа, а «сосуд» (только вряд ли ḥābītā), это не отменяло бы понимания данных текстов не как этикеток, а как учетных документов, например накладных, имея в виду общее содержание текста.

'wzbry. Согласно нашему объяснению, это слово является характеристикой виноградника, — о котором идет речь в тексте, — как относящегося к определенной категории земли, подлежащей определенному виду сбора. Это позволило нам поставить вопрос о характере государственных сборов в Парфии. Независимо от этимологии данного слова, примерное его значение выявляется из того факта, что в некоторых документах² (относящихся, видимо, к виноградникам, подлежащим сборам другого рода) в формуляре на месте слова 'wzbry стоит слово rḥzyk, значение которого ясно. Это — иранское прилагательное, образованное от иранского слова patibāzi- > pat-

¹ Там же, стр. 116. — Надо заметить, что И. Н. Винников не вполне правильно понял предложенное нами объяснение этой формы. Речь идет об имени, образованном от корня ḤWN, а не об инфинитиве породы «паэль».

² Следует заметить, что И. Н. Винников неправильно относит единственный документ с термином rḥzyk в формуляре, бывший известным до 1954 г., к другому времени, а именно к 76 г. аршакидской эры (ук. соч., стр. 128, прим. 1). Уже с первого взгляда на почерк этого документа видно, что он одновременен с остальными документами. Новые находки дали целый ряд документов с подобной формулой, и все они имеют те же даты, что и документы, применяющие термин 'wzbry. Очевидно, писец в одном случае по ошибке опустил знак для сотни, и в этом документе дату надо читать как <1> 76 г. аршакидской эры.

bāz, имевшего специальное значение «обязательное приношение царю плодов». В настоящее время, когда установлено точное чтение интересующего нас слова как ʾwzbry, наше объяснение подтверждается: этот иранский термин, в форме uz-ba-gi, uz-ba-ga, иногда с определением «царский», часто встречается в вавилонских текстах ахеменидского времени в качестве термина для категории земли¹. Тем самым отпадают и сомнения М. Шнидера по поводу того, может ли земля, «подлежащая сборам», быть царской. Несомненно, что с царской земли поступали различные натуральные сборы, которые нет необходимости всегда понимать как «налоги»².

И. Н. Винников — правда, с оговорками — предлагает иную этимологию этого слова: «avāz < abāz наречие места: назад, сзади + bār стена, крепостная или городская, + приставка для образования относительного прилагательного». Отсюда перевод «(виноградник) загородный (?)», — хотя непонятно, почему все виноградники, где бы и в каких деревнях они ни находились, непременно характеризуются как «загородные (?)» и что такое, собственно, виноградник городской?

В данном случае И. Н. Винников вновь не проявляет внимания к истории языка: ни наречие «назад, сзади», ни слово «стена» не могли в это время иметь таких форм в иранском³. Что касается окончания -Y, то оно, как указывалось, встречается не только в этом случае, но и в других иранских словах (наряду с «дефектным» написанием без -Y), когда эти слова стоят в косвенном падеже, и не может быть ничем иным, кроме иранской падежной флексии. Ср. приведенный выше пример из позднего парфянского письма и многочисленные другие примеры из позднепарфянских и раннесасанидских надписей, где мы встречаем в точности то же явление.

Третий случай серьезного расхождения между нашим толкованием и толкованием И. Н. Винникова касается слова HN'LT, которое мы переводим как «взнос». И. Н. Винников указывает на редкое значение глагола 'ālal, а именно «собирать», в частности «собирать урожай», и на этом основании предлагает для слова HN'LT значение «сбор урожая». Однако это не главное и не наиболее употребительное значение этого глагола⁴. Затем сомнительно, может ли стоящий после этого слова предлог 'L

¹ См., например, J. A u g a p f e l, *Babylonische Rechtsurkunden aus der Regierungszeit Artaxerxes I und Darius II*, Wien, 1917, стр. 69 и 75. Аугапфель переводит «Abgabelländerei (?) des Königs». Таким образом, оказывается правильным чтение этого термина, предложенное нам А. А. Фрейманом еще при публикации первых документов, а наш отказ от этого чтения — неправильным.

² Это могли быть арендные сборы или просто поступление доходов; наконец, на царской земле могли сидеть и лица, облагаемые налогом; вопрос этот сложнее, чем кажется М. Шницеру.

³ Соответствующее наречие в данный период должно было звучать как arāš < др.-иранск. arā-ša и передаваться графически в текстах из Нисы как *'rš, а не 'wz; *aβāž (парф.), aβāz (среднеперс.) — значительно более поздние формы этого наречия. Переход поствокального -р в звонкий спирант -β произошел в первые века нашей эры; заимствования в арамейский, относящиеся к раннеаршакидскому времени, указывают на сохранение древнего -р в парфянском и среднеперсидском этого времени, например 'NPQ' «чистое вино» < anāpāk, и многие другие. Переход -š > -ž произошел, повидимому, раньше, чем -р > -β (арам. QPYZ' «мера емкости» < karš < кар š), однако вряд ли ранее рубежа нашей эры (ср. арамейск. DRGŠ, где -š передает иранское -š, ср. армянск. darguč). В текстах из Нисы š регулярно передается как š. Во всех подобных случаях необходимо учитывать, что в текстах из Нисы в иранских словах соблюдается принцип исторической орфографии (ср., например, написание MTRDT для Mihrdāt < *Miθradāta). По аналогичным причинам столь же сомнительна и возможность передачи иранского vār «стена» как -BR.

⁴ Каузативная порода глагола 'ālal в той специфической форме с назализацией, какую дает и имя действия от этой породы данного глагола в текстах из Нисы (HN'LT), всегда имеет в староарамейском значении «приносить», «делать взнос», см. примеры из элефантинских папирусов, на которые ссылается М. Шницер, «Semitica», V, стр. 77,

означать в данном случае «за», как это требуется по переводу И. Н. Винникова («сбор урожая за год такой-то»). Значение этого предлога прежде всего «на». Поэтому естественнее наш перевод «взнос на год такой-то», который соответствует обычному значению каузативной породы глагола 'ālal, признаваемому и И. Н. Винниковым.

Давая свой перевод данного выражения, И. Н. Винников замечает: «Употребление нисийскими писцами аномальной и чрезвычайно редкой формы han'ālā лишний раз говорит против теории о том, что мы имеем здесь дело с арамейскими идеограммами». В действительности дело обстоит как раз наоборот: это прекрасное подтверждение нашего тезиса о гетерографическом характере парфянской письменности. Дело в том, что han'ālā — не просто «аномальная и чрезвычайно редкая форма», — это форма, неизвестная, по существу, арамейским диалектам, за исключением одного только «имперского арамейского», или «западноарамейского койнэ», т. е. диалекта, откуда и заимствовались гетерограммы. Зато эта форма чрезвычайно маловероятна в любом живом арамейском диалекте I в. до н. э.

Конечно, старые формы, как языковой или графический пережиток, могут встречаться и в более поздних текстах. Однако для того, чтобы доказать, что перед нами реальный арамейский диалект, а не гетерография на основе «имперского арамейского» VI—IV вв. до н. э., нужно показать хотя бы одну форму, которая мыслима лишь в подобном диалекте, а не в «имперском арамейском». Такой формы показать нельзя. Все формы арамейских слов в документах из Нисы легко объясняются лишь из «имперского арамейского», который, как уже указывалось, в это время продолжал существовать только в гетерографии, и нет никаких оснований утверждать, что перед нами реальный, живой арамейский диалект I в. до н. э.

Таким образом, И. Н. Винникову не удалось доказать правомерности своих толкований спорных слов, а тем самым отпадает необходимость другого понимания данных документов, именно не как хозяйственных документов, посвященных натуральным сборам с виноградников, а как этикеток. Такое предположение плохо вяжется уже с самым внешним видом черепков — их размеры, вес и форма говорят против того, что они использовались как этикетки; никоим образом их нельзя было бы прикрепить к сосуду. С другой стороны, тяжелый вес и большие размеры вообще свойственны парфянским черепкам с надписями, как мы знаем по документам из Дура-Эвропос¹.

Кроме того, хотя пока были изданы только документы, имеющие касательство к вину и виноградникам, однако в числе неизданных имеются и документы иного содержания. Да и в пределах круга вопросов, связанных с поступлениями вина, документы из Нисы довольно разнообразны. Предварительная их классификация позволила разбить их на следующие типы:

А. Документы, связанные с поступлением вина и продуктов виноградарства:

1. Наиболее многочисленный тип документов, указывающих, после вводной формулы BHWT' ZNH, название и категорию виноградника, число мер вина (в мере «марри» и ее подразделениях), взнос (иногда указывается «в царскую казну») на какой год по аршакидской эре, имя и звание ответственного чиновника (иногда также его место происхождения или его служебный округ) и, в виде отдельной приписки, хранилище (?), куда поступило вино. Ответственными обычно являются «чиновники винного склада» (mdwbr) или писцы. Категорий виноградников две: 'wzbr и tbrzyk; оба термина имеют отношение к царским сборам. Вместо названия виноградника, имени,

прим. 3, а также в арамейских текстах Библии, Дан. II, 25; IV, 3; VI, 19. Поэтому не может быть сомнения, что HN'LT в наших текстах значит «взнос», тем более, что в еще не изданных текстах встречается расширенная форма этого выражения — «взнос (конечно, не «сбор урожая») в казну царя на год такой-то» — HN'LT 'L GNZ' MLK' 'L ŠNT... (снова с нарушением правил арамейского синтаксиса: с определенным состоянием перед генетивным определением вместо сопряженного!).

¹ Это было нам указано участниками обсуждения нашего доклада на XXIII Международном конгрессе востоковедов.

села или урочища, откуда происходит вино, иногда встречаются обозначения «дворцовый», а также обозначения, образованные от имен парфянских царей определенной линии аршакидского дома, вероятно, указывающие на то, что соответствующие виноградники входили в состав имений, посвященных культуре этих царей.

В ряде случаев указывается назначение вина: оно либо поступает «в руку» лиц административной иерархии (начальника крепости или селения, *dyzpt(y)*¹, сатрапа, *ḥštr* или *PHT*², и марзпана, *mrgwṛn*), либо бывает «отпущено кравчим», *'ph(r)št ḥwṛzbrn*. Имеются и другие формулы, связанные, вероятно, с назначением вина.

2. Аналогичный тип документов, по большей части посвященный уксусу; вместо слова «взнос» (*HN'LT*) стоит другой термин (*Q'YLT*).

3. В некоторых документах, относящихся к 150—160 гг. аршакидской эры, стандартная вводная формула *BḤWT' ZNH* отсутствует и документ начинается с даты (года); дальнейший формуляр сокращен.

4. Имеется ряд документов, формулированных сокращенно, вплоть до одного слова «уксус», «виноград» или «старое вино» после вводной формулы. Даты обычно нет. Некоторые из этих документов, действительно, могли бы считаться этикетками, но в отдельных случаях указание на «уксус» и «вино» соединяется в одном документе, что было бы невозможно если бы перед нами была этикетка.

5. Особую группу составляют документы о взносе вина «от себя» — (*MN NPŠH*), иногда, повидимому, от высокопоставленных лиц. Речь идет, вероятно, о добровольных взносах на культ.

6. Другую особую группу составляют документы, посвященные сбору, называемому *ptsyk* или «место *ptsyk*». Этот сбор взимается не с виноградников, а с отдельных виноградарей; обычно имеется по несколько записей на одном черепке.

7. Сравнительно редкая группа документов — перечни виноградников, известных и по другим текстам, с указанием нормы виноградного сусла (?).

8. Особняком стоит документ итогового учета, произведенного в конторе винного склада «крепости Митрадатакерт», *MTRDTKRT BYRT*³, Последнее — вероятно, древнее название «Старой Нисы» (№ 1693).

9. Имеются также отдельные краткие записи, этикетки (?), например, № 1377: «Уксусом сделанное», и т. п.

Б. Прочие документы: 1) описи каких-то предметов, датированные днем и месяцем по зороастрийскому календарю, редко и годом; 2) краткие письма типа служебных записок; 3) учебные тексты (упражнения в письме).

Из этой краткой классификации документов видно, что их содержание отнюдь нельзя свести к содержанию этикеток.

Выше мы привели наши возражения против мнения о том, что язык этих документов следует считать арамейским. Нам уже приходилось подробно мотивировать, почему их язык следует считать парфянским; к сожалению, ни в статье И. Н. Винникова, ни в статье М. Шнипера не содержится разбора наших аргументов. Однако вновь приводить их полностью — в свете всего вышесказанного вряд ли имеет смысл. Изложим их лишь вкратце по пунктам:

1. В текстах имеется значительное число иранских слов, нередко с правильно употребленной иранской флексией косвенного падежа (*LYD dyzpty*; *MN KRM'wzbry*; *MN mtrdtkny*) и множественного числа (*MN rgrpn*; *ḥwṛzbrn*), в том числе такие слова, которые не являются техническими терминами и имели общеизвестные арамейские эквиваленты. Встречаются целые выражения, полностью или частично в раскрытом иранском написании, например *HLH krtk* «уксусом сделанное»; *'ph(r)št ḥwṛzbrn* «отпущено кравчим», и более пространные. Почти все довольно многочисленные названия должностных лиц, от высокого чиновника, *dyzpt(y)*, до простого виноградара, *grpn* (кроме слова «писец», *SPR*⁴, и вариантного написания для слова «сатрап»), и все составные слова пишутся только по-иран-

¹ Так не *rzypty*, как мы читали первоначально.

ски, хотя в ряде случаев соответствующие понятия легко можно было бы выразить по-арамейски¹.

2. Есть примеры, когда одно и то же понятие передается то арамейским словом — гетерограммой, то иранским словом — раскрытым написанием: ḥštrp и PNT²; pwršt и HDT; pwk и HDT, и т. д.

3. Арамейский синтаксис в текстах из Нисы (как и в других аналогичных гетерографических текстах) систематически нарушается.

4. Все синтаксические конструкции находят себе объяснение из того, что нам известно о синтаксисе парфянского языка, который в некоторых отношениях отличался от синтаксиса лучше известного средне- и новоперсидского языка. Здесь мы не будем входить в детальную аргументацию этого положения: в той мере, в какой это касалось ранее найденных текстов, это уже сделано в нашей предыдущей статье в ВДИ, а в полном объеме должно явиться предметом отдельного изложения.

5. Некоторые фонетические особенности иранских слов и собственных имен в документах из Нисы характерны специально для парфянского языка, а не для среднеперсидского (pwršt, 'rtwršt).

На основании всего вышеизложенного мы полагаем, что наши выводы относительно того, что язык документов из Нисы — парфянский, остаются в силе, так же как и предложенный нами перевод, хотя последний, разумеется, потребует в дальнейшем уточнения во многих направлениях. Попытка доказать, что документы написаны на арамейском языке, должна считаться несостоятельной.

Тем не менее работа И. Н. Винникова над документами из Нисы содержит ряд плодотворных мыслей и замечаний. В частности, И. Н. Винников правильно отметил, что слово HMR должно рассматриваться как аббревиатура; однако ее надо читать не по-арамейски, как HMR MDY «опьяняющее (или мидийское) вино», а по-парфянски HMR шгу «вина мер (столько-то)», где шгу — иранская мера емкости, известная еще с ахеменидского времени (греч. μέρις). Весьма интересны соображения И. Н. Винникова относительно цифровых обозначений в висийских документах и др.³ Полагаем, что дальнейшая работа И. Н. Винникова, выдающегося арамеиста, над арамейскими элементами висийских документов, доступных ныне для исследования во всей своей массе, будет весьма плодотворной. Однако вопрос о языке парфянских документов не должен уже теперь считаться дискуссионным.

И. М. Дьяконов, В. А. Лившиц

К ВОПРОСУ О ПАДЕНИИ ПАРФЯНСКОГО ЦАРСТВА

Время династии Аршакидов — один из темнейших периодов в долгой и славной истории Ирана. Не является неожиданностью, что мы знаем гораздо больше об Ахеменидах и Сасанидах, чем о парфянах: наследники парфян были еще более нетерпимы по отношению к своим предшественникам, чем Аббасиды по отношению к Омеядам;

¹ Поэтому попытку М. Шницера объяснить название должности mdwbr «чиновник винного склада, виночерпий» из арамейского нельзя признать удачной, да и сам автор признает, что его этимология небезупречна (см. «Semitica», V, стр. 77). Конечно, такой основной термин канцелярии, как «писец», передается в традициях арамейской канцелярии, по-арамейски; но уже «начальник писцов», dpyrpt, пишется по-парфянски. «Сатрап», как уже говорилось, пишется и в раскрытом написании, и гетерографически. Остальные названия должностей — около десятка — все пишутся только по-парфянски.

² Следует также отметить правильное объяснение формулы HMR 'TYQ в одном из неизданных документов как «старое вино» — термина, противопоставляемый понятию «новопроизведенное вино» — pwršt, HMR pwršt, HMR HDT.